

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 76 (4201)

Вторник, 28 июня 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ДВЕ КНИГИ, ОДНА СУДЬБА

И. ГОРЕЛИК

Вот точного размера. И чтобы проверить свою пасту, пригласил в Ленинград на практику нескольких первокурсников лекционных курсов. Приехал к нему и Павел Александрович Камышев.

В один из дней академик вручил Камышеву две плитки и предложил уменьшить каждую из них на одну сотую миллиметра.

Для такого мастера, как Камышев, снятие «сотку» было «грубой доводкой». И он справился с ней за каких-нибудь двадцать минут.

Привинув к себе микроскоп, академик вставил в него принесенные Камышевым обработанные плитки и поудобнее вынул их.

Потом он поставил обе плитки рядом, наложил на них одно интерференционное стекло.

Интерференционные стекла тоже имеют абсолютно точно отшлифованную поверхность. И когда их накладывают на такую же идеально плоскую поверхность другого предмета, солнечные лучи отражаются в них в виде прямых, строго параллельных полос.

Но стоит на поверхности кончик микрометрического винта или вывинчивающегося наконечника, как тутчас полосы окажутся ломаными.

Несколько ровных полосок мерцало бледным зеленым светом.

— Недурно... — проворчал академик. — Будите добры, снимите с каждой еще по полсотки.

Тридцать минут спустя все повторилось сначала.

— Быстро это у вас получается... А микрон снять можете?

— Попробую... — ответил Камышев. Он направился к выходу. Гребенчиков пошел за ним.

В лаборатории никого не было. Только академик и слесарь-лекальщик. Слесарь сидел за столом, положив плитку на полировальный, и слегка прижал ее по краям пальцами обеих рук, водил взад и вперед, взад и вперед. А академик, стоя чуть поодаль, напряженно следил за терпящими движениями Павла Александровича.

— Так в абсолютной тишине... — прошептал только по часам — были выполнены работа. И опять в окуляры микроскопа — Гребенчиков удостоверился в этом — размер плитки соответствовал риске, и снова на стекле, расположенном поверх плиток, мерцали прямые световые полосы.

— Тридцать минут! Это удивительно! — сказал Гребенчиков. И, пораженная собственным словом добавил: — А полимикрон вы снимете?

— Полимикрон! Одна двухтысячная доля миллиметра!

Он снял и полимикрон, и тоже за тридцать минут!

— Какую силу давления вы придаете пальцам, когда двигаете ими плитки? — спросил изумленный Гребенчиков.

Камышев не мог ответить на этот вопрос. Он не знал. Это было интуитивное. В этом и состояло искусство, которым владели избранные.

Поворот судьбы

Он был сормович, сын сормовича, брат сормовичей, женатый на дочери сормовича. Секретарь парткома Сормовского завода вызвал его, беспартийного рабочего, и сказал:

— Учиться хочешь? В Америку поедешь?

— Ты шутишь?! — сказал Камышев и даже рассердился на секретаря парткома.

— Время серьезное, не до шуток. А мы тут пока всей страной будем в Монастырке автомобильный завод строить. Вернешься, — пойдешь на завод.

Выдающийся ученый оптик — академик Гребенчиков, возглавлявший Государственный оптический институт в Ленинграде — ГОИ, создал специальный полировальный и особую пасту, — он назвал ее пастой ГОИ, — которые облегчали процесс доводки плиток до но-

одно уходило, другому суждено было расцвстать.

И вот тогда-то прямая дорога слесаря-лекальщика сделала крутой вираж.

Семья лекальщиков, которых собрали на новом автозаводе, степенных, уверенных в себе, добрых и живых, и профессий, и своим исключительным положением в рабочей среде, встретила Павла Александровича радушно, как своего.

Они расприраивали, каких он чудес навиделся за океаном, как там люди живут, как работают. Павел Александрович охотно рассказывал. Но все чаще и чаще он говорил «королем», что чудеса начинаются тут, у нас, и что им самим придется совершить немало чудес.

Вот, например, их ручной труд. Искусный. Точный. А надо от него отказываться. Время подошло такое...

Они слушали с интересом. Что-то не ту песню заводил Камышев, сормович и сын сормовича? Как же он сам-то собирается дальше жить? От собственного богатства отказываться?

Да, конечно. Камышев, больше не собираюсь орудовать оселком. Вот этот шпатель на пальце — не порез. Семнадцать лет он тер оселком и выдал из эту мякоти. Она есть и у Мезенцева, и у Антропова, у каждого лекальника, не так ли? Он, Камышев, научит всех, что пожелает доводить до микронной точности не вручную, а с помощью инструмента — понимаете, все! — со сложным профилем шлифовались на станках. Это раз в пять дешевле, раз в восемь быстрее... А нам строить надо пятилетки... И время в обрез, и деньги в обрез...

— Значит, царству нашему с тобой крышка? — спросил лекальщик Мезенцев, презрительно поглядывая на Камышева.

— Или мы тебя спихнем, или ты нас... — сказали другие. — На этой тропинке нам не разойтись...

Вызов был брошен.

Теперь оставалось его принять. И Павел Александрович создал то, что впоследствии стали называть «детским садом Камышева».

ДЕТСКИЙ САД

Под Нижегородским откосом, у самой Волги, стояло старенькое маленькое предприятие — завод имени Ульянова. И была у него, как у больших, своя учебная база. Из фабрикацев готовили слесарей. Мишка Шкаев и Аркаша Лаазерв, узнав, что в Монастырке строится автозавод, сами убежали на новую стройку. Других — Бориса Серова, Валю Закаева, Плекочку Марусю, Германа Вартама, Сашу Чешкова, Улинова Валу (всех и не вспомнить) — прислали на завод, когда инструментальный цех был уже выведен под крышу.

На первых порах мальчишки и девочки с учебной базой укладывали шпатель в полы, — хотя цех был выстроен, но многое в нем оставалось недостроенным, — обивали верстак железом, привертывали тиски, готовя себе рабочие места.

Под вечер утомленные и возбужденные ребята шли на строительную площадку — завод все еще достраивался — и там разравнивали землю, таскали грузы, осторожно разбирали ящики с заграничным оборудованием.

Этих-то ребят и заметил Камышев. Он отобрал из них тридцать восемь человек и однажды, показав на сиротливо жавшихся к стене плоскошлифовальные станки, сказал:

— Хотите, научу на них работать? И тридцать восемь человек, в возрасте от семнадцати до двадцати, еще ничего не умевших, сказали: да!

Павел Александрович приходил в цех за два с половиной часа до начала рабочего дня. Он оглядывался. Полный порядок! Все тридцать восемь его питомцев были на месте, они тоже пришли за два с половиной часа до работы. Камышев подходил к шлифовальному станку и показывал, как направлять абразивный круг алмазом, как водить на нем тот профиль, который потом будет воспроизведен на шаблоне.

Затем они занимались геометрией и тригонометрией. Без этого никто не смог бы вычислить радиусы и углы, которые направлялись на шлифовальном круге.

И вот, наконец, настал

П. А. КАМЫШЕВ

такой момент, когда первые два питомца Камышева стали регулярно выполнять на станке сложнейшие операции, которые были под силу только «королем», «ювелирам». И это самое поразительное, изготовлять эти инструменты и в более короткий срок, и более точными.

За эти дни — еще трое, потом еще и еще...

И тогда великий мастер шаблонов и контршаблонов Антропов однажды заявил, что уходит с завода.

Он явился к Камышеву с шаблоном на валик переключения скоростей. Делал он его тщательно, со скрупулезной точностью, 86 часов. Чужесное произведение человеческого рук.

Камышев придирчиво осмотрел шаблон, проверил, похвалил. Отличная работа!

Потом вытащил из ящика стола несколько таких же шаблонов, показал их Антропову.

— Как? — спросил он. — Детинки мои сработали. По три штуки за смену...

— Что ж, — показал головой Антропов. — Готовые мы расчет, Павел (Окончание на 2-й стр.)

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

КУЙБИШЕВ Общественность Куйбышевской области отметила 60-летие со дня рождения критика и литературоведа И. Машинца-Ворова. Его перу принадлежат около десяти книг, а также многочисленные статьи и исследования. В самый канун юбилея в Куйбышев вышла в свет новая большая работа И. Машинца-Ворова «Поэмы Маяковского».

Приветственной телеграммой Правления Союза писателей РСФСР, адресованной юбиляру, говорится: «Сердечно поздравляем Вас, дорогой Иосиф Маркович, старшего участника юбилейного праздника. С большим удовлетворением отмечаем Вашу полезную и талантливую деятельность в нашей литературе. Желаем Вам здоровья, творческой радости».

В адрес юбиляра поступили также телеграммы от московской писательской организации, от писателей Оренбурга, Чувашии, Татарии, Саратов, Иванов, Смоленска и других городов.

ФРУНЗЕ Вся Киргизия праздновала столетие со дня рождения Тоголона Молдо — выдающегося поэта, одного из замечательных писателей советской литературы. На торжества прибыли гости из Москвы, Минграда, республик Средней Азии. Они привели в подарок юбиляру ценные подарки. В частности, в Куйбышев была выслана в подарок большая книга «Средняя Азия», подготовленная Институтом языка и литературы Академии наук республики. На одном из мероприятий Союза писателей Куйбышевского областного управления культуры и Институтом языка и литературы Академии наук республики имени Н. Г. Чернышевского открылась выставка, посвященная поэту и творчеству Тоголона Молдо.

Сегодня, 28 июня, в Москве, в Центральном Доме литераторов состоится вечер, посвященный столетию со дня рождения Тоголона Молдо.

МОСКВА Все гости зарубежных гостей приезжает в Советский Союз. Сейчас в СССР находится Джейнард Кумар — член Литературной академии Индии, президент которой является Дж. Неру, и прогрессивный английский литератор Джон Уэйн с супругой. Большую посылку по нашей стране совершает югославский писатель Бранко Чопич. Около двух недель провел у нас недавно немецкий прозаик Людвиг Ренн.

ВАРШАВА

Леоноу Кручковскому. Дорогой друг!

Советские писатели сердечно приветствуют Вас, выдающегося польского писателя, видного общественного деятеля и несгибаемого борца за мир, в день Вашего шестидесятилетия. Ваши замечательные произведения «Кордиан и кам», «Немцы», «Юлиус и Этель» и другие завоевали искреннее признание и любовь многочисленных читателей многих стран мира. От всей души мы желаем Вам здоровья, счастья, новых творческих побед в Вашей большой и благородной деятельности писателя-гуманиста и борца за мир.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОВОРЯТ ЛЮДИ ПЕРВОГО АТОМНОГО...

Итак, закончен арктический рейс. Атомный ледокол «Ленин» прошел первое боевое крещение и вышел из шхеры к стихийному победителю. В беседе с корреспондентами начальники технической эксплуатации ледокола А. Н. Стафанович сказал:

— Расчеты конструкторов полностью подтвердились. У корабля имеется громадный запас возможностей — это ледокол-универсал.

Вместе с новой техникой на флот пришли физики, химики, специалисты по автоматике и электронике.

Бывалые моряки несколько настороженно встретили нашествие этого «блуждающего льда»: дескать, кто их знает, кто они перенесут море. Но первый же рейс показал — опасения были напрасными. Экипаж подобрался отличный.

К членам экипажа, разным по возрасту, опыту и специальности, авторы фотопортрета и обратились с вопросом: каково они мечта о ледоколе и об этом необыкновенном рейсе? Их ответы читайте на 2-й странице.

ПЕРЕД ВИЗИТОМ

После драматической развязки так и не начавшегося Парижского соглашения в верхах венесуэльская газета «Арбетер-цейтунг» — рупор правосоциалистических вдохновителей политики «холодной войны» — поместила на месте передовой статьи корреспонденцию из Нью-Йорка, заголовок которой ставил вопрос: «Кто правит Америкой?».

Читателю, недостаточно тонко разбирающемуся в хваленной американской «демократии», ответ газеты показывается ошеломляющим. Смысл статьи состоял в том, что Америкой правит не президент, а другие силы. В этом смысле, отразившись на событиях, все в большей степени охватывающие Западную Европу. Неожиданно удалось взглянуть за кулисы мирового театра, увидеть нити с болтающимися на них марионетками и руки, которые приводят в движение эти нити, хотя сами остаются в тени неизвестности. Оказалось, что в мире существуют сильные группы, заинтересованные в сохранении международной напряженности.

Для мыслящего современника это не могло явиться новостью. Однако пропагандисты так называемого «свободного мира» кричат, будто заявление о том, что американские военные монополии пытаются воспрепятствовать разоружению и политике мирного сосуществования, — не что иное, как «прогрывание Москвой своей старой пластинки». Авантюра с американским пилотом Пауэрсом и то, что последовало за ней, дали возможность увидеть события в ином свете. Лондонская газета «Таймс» после отъезда Токио в визите Эйзенхауэра с присутствия англичанам сухохоту подвела итог. «Случай с самолетом «У-2» и последующее поведение Соединенных Штатов», — писала газета.

Они поставили все точно над «и». Они привели в Азию к широкую распространению мнения о том, что ответственность за срыв совещания в верхах несут не русские, а американцы».

Как бы ни лезли вон из кожи глашатаи американской пропаганды, чтобы затуманить головы, — они не в силах воспрепятствовать тому, что после многолетнего омытия американской пылью по плану Маршалла в Западной Европе наступило тяжелое похмелье. Однако в распространителях лжи и дезинформации недостатка нет. То вдруг прибытие маршала Малиновского в Париж используется как повод для грубых выдумок, то жирные заголовки сообщают о домыслах так называемых «кремлевских астрологов».

Все же без труда можно установить, что европеец, который чувствовал себя уютно под крылом спасительной конъюнктуры, вдруг встретился, ибо факты — вещь упрямая. Во-первых, он видит, что именно Советский Союз выдвинул план всеобщего и полного контролируемого разоружения, в то время как западные державы возводят на пути к реальному разоружению бесконечные преграды. Во-вторых, он знает, что это американский воздушный шпион был сбит над территорией Советского Союза, а не советский самолет над Америкой. В-третьих, именно американское правительство заявило, что оно поддерживает права народов, а не Советское

Бруно ФРЕЙ, австрийский писатель

правительство. Одна популярная в Вене газета привела по этому поводу широко известное высказывание вильгельмовского канцлера Ветман-Гольвега о договорах, сделанное им в начале первой мировой войны: договор — это «ключок бумаги». То же самое в настоящее время заявляют официальные государственные деятели США, претендующие на руководящую роль в мире. Тех, кто еще сохранил способность трезво мыслить, это заявление повергло в шокное состояние.

Это потрясение приняло еще более широкий размах, когда выяснилось, что американская политика блефа в Азии потерпела провал. События в Южной Корее и Турции привели к тому, что здание «западного союза» дало трещину. А то, что произошло в Японии, еще больше взбудоражило людей. В ответ, когда Эйзенхауэру заявили об отказе в визите в Японию, венские дневные газеты запретили сенсационными заголовками: «Черный день свободного мира».

Еще более ошеломляющим явилось то, что архиреакционная газета «Зальцбургер нахрихтен», основанная в свое время американскими оккупационными войсками в Австрии, без обиняков отозвала США в праве на руководящую роль. «Эта трагедия», — писала газета, — что наиболее могущественному народу западного лагеря, который во многих областях, особенно в экономике, науке, технике и в жизни, известен как умный и способный, недостает зрелости в политике и дипломатии. Поэтому он не может вести за собой других».

В связи с горькими разочарованиями в «старшем брате», находящемся по ту сторону океана, возникает вопрос: научит ли крысы покидать тонущий корабль?..

В такой обстановке, напоминающей разбушевавшееся море, ожидая Австрия, да и не только Австрия, а весь мир, прибывший в Вену. Председателя Совета Министров СССР Заслонова предстоящего визита королем известно населению Австрии. Однако те же люди, которые торжественно высказались в верхах, пытаются в настоящее время отравить атмосферу визита дружбы. Они боятся, как бы австрийский народ не проявил слишком бурно свою радость по поводу прибытия советского государственного деятеля. Они нервничают, потому что миролюбивые люди в Австрии и за ее пределами возлагают на визит Н. С. Хрущева свои лучшие надежды. Вице-канцлер Питтерман в своем выступлении по Венскому радио 18 июня заявил: подавляющее большинство австрийцев считает неоспоримым тот факт, что заключением государственного договора Австрия обязана инициативе Советского Союза, устроив лично Н. С. Хрущеву. Государственный договор принес Австрии не только независимость, но и открыл путь политике, «которая удерживает ее от участия в политических союзах и особенно в военных блоках». Австрия не принимает и политическим группировкам государства. У нас нет интересов, которые присутств. великим державам. Она не развивает военную промышленность.

Немало европейцев завидует Австрии, избежавшей опасности быть превращенной в американский плацдарм.

ВЕНА, 27 июня. (По телефону)

В Гостях у трудящихся

МАРКОВИИ

В Саранске заморочило продолжавшееся три дня выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР, в котором приняли участие литераторы Марковичи Тама, Исаи, Удуртский, Марковичи, Чувашиной, Мордовской автономной республики, Коми-Пермского национального округа, гости из Эстонии.

С докладом «Правда жизни и литература» выступил секретарь правления Союза писателей РСФСР Аллин Кешков.

Литераторы братских республик широко обсуждали вопрос о том, как лучше воплотить в художественных образах правду сегодняшнего дня.

«Мы не рабы. Мы победим»

В КОМНАТЕ был погашен свет, многочисленные гости, расположившись поудобнее у экрана телевизора, смотрели перерыв. Когда наступил перерыв между отделениями, хозяйка дома включила вторую программу. Новая передача не вызвала большого интереса — молодая работница прядильно-ткацкой фабрики из Наро-Фоминска рассказывала о себе, своих подругах, пришедших на производство со школьной скамьи. Юная текстильщица застенчиво заглядывала в бумажку, когда нужно было назвать цифры. Чувствовалось, что она волнуется.

Неужели нельзя было запомнить кварталный план неха — буркнул один из гостей, специалист по античной литературе.

К тому же она еще не очень хорошо читает, — поддержала представительница древней классики студентка Института кинематографии.

Единственным человеком, который ушел в содержание происходившего сейчас на экране, была сама хозяйка дома.

— Слушаю эту девушку и не могу отрешиться от мысли, что совсем недавно, — она улыбнулась и пояснила, что «совсем недавно» означает примерно лет сорок назад, — в одной деревне Наро-Фоминского уезда мы встретили крестьянку, которая читала по складам. Она была едва ли не единственной женщиной здесь, которая была делегатом съезда по внешнему образованию, где выступил Ильич. Участники этого съезда приняли решение поехать на фронт обучать грамоте красноармейцев. В числе их тов. Эльгина, опытная преподавательница, поехала на Южный фронт».

Эльгина не могла учиться, пользуясь существовавшими тогда букварями; «Ма-

ша ела кашу, Маша мыла раму».

— Как ты нас учишь? — стали возмущаться красноармейцы. — Какая каша? Что за Маша? Не хотим этого читать.

И молодой педагог сочинила новый букварь. Первый букварь, изданный в советское время. Удивительная история этой книжки, подсказанной автору неграмотными, но сильными духом людьми.

— Мы не рабы, мы победим, — сказал учитель солдат. Его словами она и начала текст своей будущей книги. Написанный в землянке букварь был издан Политбюро Реввоенсовета Южфронта. Налечтала букварь на клочках оборточной бумаги в армейской типографии. Дело пошло, — вспоминает Н. К. Крупская подвиг фронтовой учительницы.

Быстро стали обучаться красноармейцы грамоте. Это был метод связи учебы с жизнью, чего все время требовал Ильич».

...Мы побывали у автора первого советского буквара, работавшего некогда с А. М. Горьким, А. В. Луначарским, Н. К. Крупской, в канун памятной ей даты: сорок лет назад — в июне 1920 года — была утверждена Советом Народных Комиссаров Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. История этой выигранной битвы автор первого советского буквара сейчас, много лет спустя, посвятил свой новый труд. Это книга о стране всеобщей грамотности, о тех, кто когда-то учился писать облупленными пальцами на першьях бумаге в землянках Южного фронта, кто уходил с урока в бой и расцарапывался на стенах захваченных штабов противника словами первой фразы буквара: «Мы не рабы. Мы победим».

А. ЛАЗЕБНИКОВ

ГДЕ же, наконец, лекальный участок? — нетерпеливо спросил секретарь обкома.

— А это и есть лекальный участок, — ответил Ефим Глинер, начальник инструментально-штампового отдела Горьковского автозавода.

— Лекальный участок, а мет ни стол, ни тисков, ни оселков, ни слесарей... Вы меня разыгрываете? — Он обернулся к сопровождавшему его инженеру.

Цех размахнулся на полметра в длину, на десятки метров в ширину, в ажурном сплетении металлических конструкций, с десятилетиями везд и вездеразбросанных в воздухе искр, летящих из-под шлифовальных кругов. Он лез, выжрал, скрипел, переваливался, — не цех, а целый инструментальный завод.

Секретарь обкома шагнула к станку. Сорокалетний мужчина — его звали Борис Андреевич Серов, — склонившись над чертежом, развернутым на тумбочке у станка, на отдельном листке бумаги делала какие-то вычисления. Рядом лежала книга — она была раскрыта на таблицах тригонометрических функций. Секретарь обкома заглянула в нее. Синусы, косинусы, тангенсы, котангенсы, секансы, косекансы. Минуты, углы...

— Вы кто по профессии? — спросил секретарь обкома.

— Лекальщик, — ответил Серов, поднимая глаза.

— Что за книжка у вас?

— Борис Серов протянул томную старенькую, захватанную руками брошюрку. Страницы истерзаны, название стерлось, и только на корочке видны буквы титров Серова была выведена фамилия автора П. Камышева.

Инженер Глинер, начальник Камышева и его друг, потянул Камышева из задних рядов вперед. Павлу Александровичу было под шестьдесят, волосы его изрядно поседели, в руки влезло масло, но в глазах, крутых, больших, и по сей день читались юношеская смелость и застенчивость.

— В тридцать четвертом году ее издала, — сказал Камышев и покачала. С ним это всегда случалось, когда он волновался. — Она называлась «Профильный шаблон». Я ее для своего детского сада написал...

— Для детского сада? — еще больше удивился секретарь обкома. — Вы что-нибудь понимаете?

Теперь, когда Павел Александрович Камышев был заместителем начальника огромного корпуса, его, как и все руководство инструментально-штампового отдела, если что-нибудь не ладилось, критиковали в приказах дирекции, осуждали на партийных бюро, разносили на собраниях, в газетах, везде, где только можно. А за пятнадцать лет — семнадцать лет до того администрация Сормовского завода, где работал тогда Камышев, как говорится, судила с него пылинки.

Ибо он был рабочим, лекальщиком, владел высочайшим мастерством и редчайшим искусством: он был «королем», «ювелиром», — так называли тогда людей его профессионального уровня. Их считали рабочей аристократией. Они зарабатывали больше других рабочих, они не боялись никого на заводе, и администрация остерегалась сориться с ними, — их везде ждали, они всюду были желанными.

«Искра божья» была вложена в их пальцы, и как у людей в нужной момент обнаруживается второе дыхание, так они владели «вторым осознанием».

И в самом деле, разве история о том, как Камышев потряс академика Гребенщикова, не служила еще одним тому доказательством?

Среди множества измерительных приборов и инструментов есть особые точные приборы — плоско-параллельные пластины. Их называют еще «концевыми плитками», или «плитками Иогансона». В ту пору — шли годы первой пятилетки — во всей нашей стране было только три или четыре набора таких плиток. Сами мы их изготовлять еще не могли, а продавали нам их весьма неохотно, да и то за большие деньги.

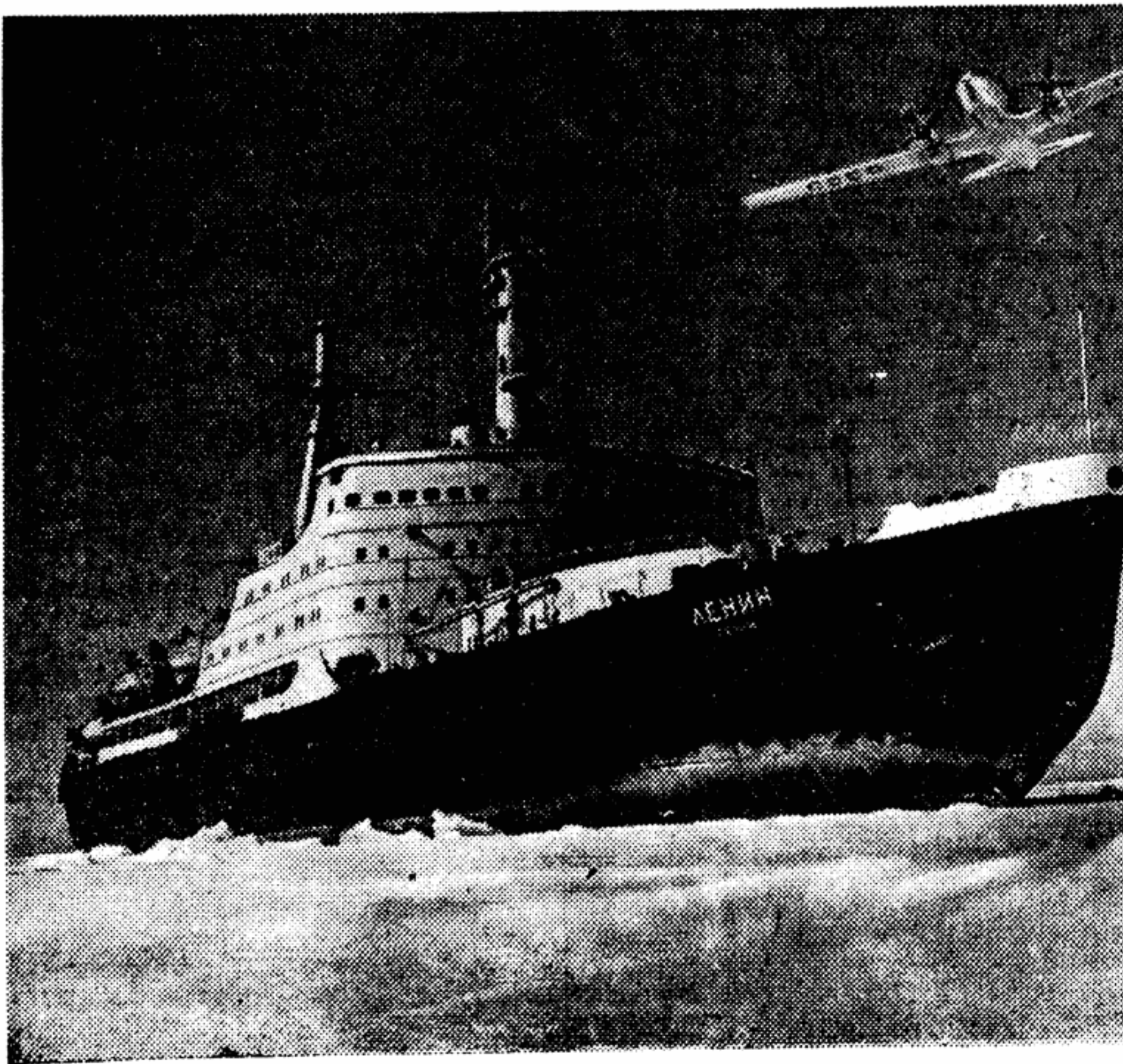
Плитки эти — эталон длины. Если плитка, скажем, как записано в ее паспорте, имеет в длину тридцать миллиметров, то это — тридцать миллиметров, и ни на один микрон, то есть ни на одну тысячную миллиметра, больше или меньше.

И еще у них одна особенность — абсолютно плоская поверхность. Ни малейших ни видимых, ни невидимых углублений или, наоборот, бугорков на таких плитках не может быть.

Как бы бережно ни обращались с плитками, — а их держат в специальных футлярах на мягких подушечках, наподобие бриллиантовых кулонов и колец, и всегда, зимой и летом, при одной и той же температуре: плюс двадцать градусов, — они раньше или позже снашиваются и терять свое качество эталона.

Тогда их «доводят» до нового размера, превращают в эталон другой длины. А занимаются этим как раз те «королы», «ювелиры», «колдуны», к числу которых принадлежал и Камышев.

Выдающийся ученый оптик — академик Гребенчиков, возглавлявший Государственный оптический институт в Ленинграде — ГОИ, создал специальный полировальный и особую пасту, — он назвал ее пастой ГОИ, — которые облегчали процесс доводки плиток до но-

Итак, закончен арктический рейс. Атомный ледокол «Ленин» прошел первое боевое крещение и вышел из шхеры к стихийному победителю. В беседе с корреспондентами начальники технической эксплуатации ледокола А. Н. Стафанович сказал:

ГОВОРЯТ ЛЮДИ ПЕРВОГО АТОМНОГО...

В. П. НЕСТЕРОВ, водолаз. 30 лет. Под водой провел в общей сложности более тысячи часов.

— Как ледекол наш работает, — очень понравилось. Хорошее впечатление. И всем товарищам понравилось. Чувствуется сила.

А. И. СОКОЛОВ, инженер-радиоинженер.

26 лет. В 1959 году окончил физико-математический факультет Ленинградского политехнического института имени М. И. Калинина. В Арктике впервые: — Я ведь из «морской» семьи. Отец был капитаном дальнего плавания, затем командиром подводной лодки. Погиб. Мать плавала в Антарктиду на дизель-электродвигателе «Лена». Отец был водолазом, кроме Южной Америки, мать водолазом, кроме Северной Америки. Никогда не думал, что ледекол может ходить так быстро, быстрее, чем транспортные суда. Удивительно много белых

медведей. Приятно, что до полюса было совсем недалеко. Страшно хочется пройтись на ледеколе на Северный полюс!

В. Ф. ЛАГОДОВ, повар. Самый молодой в экспедиции, ему 18 лет. В море, в Арктике впервые:

— Леды, вообще Арктика впечатления не производят. Все это читал в книгах, видел в кино. Момент, если бы зимой — тогда другое дело, а так что ж — солнышко, тепло, медведей тоже выдал, правда, в зоологическом саду, но какая разница? Вот ломали лед — это да, производит впечатление! Здорово!

В. А. МИШИНА, пекарь. Плавает с 1936 года. Работала на ледеколах «Ф. Литке», «Беринга», «И. Сталин».

— Ну об Арктике что говорить? Арктика как Арктика. А ледекол хороший! Я ведь и уборщицей, и бухгалтером работала, а вот сейчас — пекарем. Могу сказать, чисто здесь, легче нам, жен-

щинам, тут работать: ни угля, ни пыли, ни грязи.

А. И. МИШИН, боцман. Плавает с 1925 года, в Арктике — с 1933 года.

— Хвойство — большое, а чистоту поддерживать легче. Ни тебе бункеров, ни сажи из трубы.

И. А. ИСТОМИН, дублер старшего инженера-оператора.

В 1956 году окончил физико-математический факультет МГУ, работал в научно-исследовательском институте. В Арктику: — Люблю физику. Пошел на ледекол потому, что захотелось быть участником начала энергетической революции. Я ожидал суровой встречи — пурга и т. д., а тут такая роскошь. Работа ледекола во льду — непрерывно даваемое красивое зрелище: лед под ним хрустит, как сахар. И на таких скоростях!...
Текст А. МИХЛИНА
Фото Е. ХАЛДЕЯ

МАРШРУТ МОСКВА — ВЕНА

На днях на аэродроме Швахт жили Венцы будут встречать Никиту Сергеевича Хрущева. В этой связи вполне понятен особый интерес советских людей к Австрии, желание узнать побольше о стране, с которой у нас давно установились прочные дружественные связи. В Москве, в Доме дружбы с народами зарубежных стран, открылась книжно-иллюстрированная выставка, на которой экспонируются новинки австрийской литературы, фотографии, отражающие жизнь страны. Недавно здесь состоялся вечер австрийской литературы, на котором было сделано сообщение о творчестве крупнейших прогрессивных писателей Австрии. В помещении Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы в дни визита откроется газетно-журнальная выставка, рассказывающая о пребывании главы Советского правительства в Австрии.

В Центральном парке культуры и отдыха имени Горького был проведен вечер советско-австрийской дружбы. В концертных залах и театрах Советского Союза звучит музыка Моцарта, Шуберта, Гайдна, Иоганна Штрауса, Легара, Зупке... С большим, заслуженным успехом прошли у нас третьи гастроли венского балетного коллектива «Айсервю».

В свою очередь в Австрии побывали многие советские артисты — Государственный хореографический ансамбль «Берека», артисты цирка, Воронежский русский народный хор, грузинский балет. В этом году жителям Австрии предстоит знакомство с Краснознаменными и М. В. Александровым ансамблем песни и пляски Советской Армии, Государственным ансамблем народного танца СССР, с отдельными советскими исполнителями.

К приезду Никиты Сергеевича Хрущева в Вене, в здании Государственной типографии, будет открыта выставка советской детской книги и иллюстрированной поэмы и рисунков советских детей. А осенью москвичи смогут посетить выставку рисунков австрийских детей.

С. ЖУРАХОВИЧ

ВИЖАКИХ настроений!

ЭТО происходило много лет назад. Я был избран тогда редактором стенограмм, чем весьма гордился. Признаться, горжусь и ныне. Ведь это был самый крупный пост из всех когда-либо занимаемых мной. Высоким доверием был отмечен и мой лучший друг Толя. Он в то время стал председателем месткома в нашем небольшом учреждении.

Жили мы весело и дружно. Много работали. Много спорили и шумели. Стремись немедленно искоренить все остатки прогнившего царского режима, мы, чуждые и безудержные энтузиасты, проводили с этой целью весьма бурные кампании. Непространным старым быт. Категорически утверждался новый. Военные «Недели» сменялись грозными «Месячниками по борьбе с...». И так далее.

Однажды Толя сказал мне: — Надо объявить войну настроениям. Я довольно неуверенно возразил: — Как это всякий? Ведь бывают, Толя, и хорошие настроения... Толя не дал мне договорить. Он был чуть постарше нас, юнцов, он был одним из первых комсомольцев в нашем городе. Короче, Толя являлся для нас железным, неколеблемым авторитетом. — Помни, — решительно сказал он, — помни, что член профсоюза, а тем более комсомолец, должен самоотверженно работать, быть активным, сознательным и организованным. Все остальное — отсечь! В переломную эпоху настроения никому не нужны. Скажем прямо, не наше это дело. Гнилая интеллигентщина. Старый быт. Борьба — и все!

И мы начали бороться. С юношеским задором, в то же время организованно. Мы рассуждали в один месяц покончить со всеми настроениями. Времени ушло немало, и я уже не могу сейчас с точностью подвести итоги этой борьбы. Однако хорошо помню, что общую картину нам изрядно портит Толя. Хорошая девушка Толя. Активная комсомолка. Сознательная и организованная. И вот эта чудесная Толя никак не могла, а главное — не хотела совладать со своими настроениями. То, бывало, она без всякой казальности, причины захохочет. «Что такое, Толя?» — «У меня такое настроение». — «Какое?» — «Распрекрасное». То она задумается и улыбнется своим мыслям.

То вздохнет, взгрустнет. «Что такое, Толя?» — «У меня такое настроение». — «Какое?» — «Кисловое, как ваши физиономии». Толя хмурилась, развешивая ей текущие задачи по борьбе с остатками режиссуры. Но безуспешно. Толя не только не исправляла, а только влилась на остальных. Уж я-то знаю. По себе знаю. Глядя на нее, мне иной раз хотелось улыбаться во весь рот. А порой

— Знакомьтесь, — говорит Глинер. — Камышев. Павел Александрович догадывается, кто эти люди. Туляки. Целая делегация. Сообщили, что приедут, и вот прибыли. И тот, старый, почтенный человек с седыми розовыми усами — вылитый туляк, Лесковский «Лешва», небось.

— Ты и есть Камышев? — говорит «Лешва». — Ты только книжки пишешь или и сам работать умеешь? — Да как вам сказать, папаша... Работал на Сорومه, потом тут, со дня сотворения завода... Семнадцать лет оселком тер, потом на станке шлифовал... «Лешва» доволен. Он удовлетворенно хмыкает. Подходящий человек Камышев, свой брат, лекальщик.

— Тогда буду с тобой разговаривать... — заключает он и собирает поставить новый ехидный вопрос. — Нет, здесь говорить не будем, — возражает Павел Александрович. — А раз вы, папаша, такой важный, давайте пойдём в цех.

«Лешва» направляется к первому же плоскошлифовальному станку. Смотрит, как безудержно паренек делает сложный шаблон. «Лешва» пригибается к чертежу, видит: допуск плюс — минус пять микрон. Не простая бабенка. И заработать на ней можно хорошо.

Он берет в руки карандаш. Пожимает плечами. В наряде сказано: за три шаблона — 51 рубль, Господи, сколько же этот паренек зарабатывает, если ему так мизерно платят? Да чтоб сделать три таких шаблона, нужно по крайней мере неделю трудиться, не разгибая спины.

— В месяц? — отвечает паренек. — Когда как... Тысячу двести, тысячу четыреста... — Сколько же ты таких шаблонов за месяц готовишь? — Штук восемьдесят. — А не врешь? Мальчишка сердится. — Дяденька, вы откуда такой приехали? — Псылайте меня сюда учеником! — ворчит «Лешва». Он сам напросился в эту делегацию тульских инструментальщиков, приехавших ознакомиться с профильным шлифованием. Он хочет тут остаться...

...Проходит три месяца, он видит Камышева в цехе, бежит и нему, зрячим в руке шаблон, потирает им. — Вот она! Сам сделал! — кричит он, подобно мальчишке, который впервые в жизни превратил металлическую болванку в осмысленную деталь. И вот выходит третье издание книги «Практика профильного шлифования». Тоненькая брошюрка в коричневой корочке со стержнями из названия и фамилии автора, выведенной тушью, превращается в толстый том. В нем — 388 страниц.

На титульной странице — аннотация: «В книге описаны методы шлифования шаблонов, калибров и других профильных инструментов на плоскошлифовальных станках, заменяющие ручную лезвельную обработку... Книга предназначена для инженерно-технических работников и рабочих инструментальных цехов, а также для учащихся институтов, техникумов, технических училищ и школ производственно-технического обучения».

Остановившись на минутку, читатели вздумают в смысл последней фразы аннотации. Вот книга, которая одинаково нужна инженеру и рабочему-инструментальщику. Не удивительно ли это? Или удивительно другое: время и страна, которые смеяются прежние понятия, повторяют судьбы и шаг за шагом уничтожают пропасть, всегда отделявшую труд интеллектуальный от труда физического?

я (редактор стенограмм!) вздыхал. Самокритически анализируя свои переживания, я приходил к ужасному выводу: это настроение. И я боролся. Поверьте, было нелегко.

А Толя продолжала свое. Как-то мы даже слезы заметили у нее на глазах. Наш председатель месткома возмутился: — Может ли плакать сознательный член профсоюза? Скажем прямо — слезы это не наше дело.

В тот же день состоялся следующий разговор (я сидел в соседней комнате и поневоле все слышал): — Толя, что с тобой? — строго спросил Толя. — Ничего, настроение такое. — Настроение... — хмыкнул Толя. — Пора бы покончить с этим. — Уж я покончу! — угрожающе ответила Толя. — Вот погоди... — Ты попробуй разобраться в этих своих настроениях. — Проволака. — Ну и что? — Знаешь, Толя, — посыпался испуганный шепот. — Я влюблена.

— В кого? — удивленно, но со жгучим любопытством спросил Толя: ведь он, черт побери, все же был молод. — В кого? В кого? — вдруг вскрикнула Толя. — В тебя. бревно бесчувственное. — И она заплакала.

Пуллей вылетел из помещения и не знаю, что было дальше. Знаю только, что через полгода они поженились. Еще до этого события я обратился к Толе за новыми инструкциями относительно нашей борьбы. Мне не все было ясно. Более того, Толя широко улыбнулась. Он вообще все эти дни улыбался: настроение у него было явно хорошее. Так вот, Толя озарился солнечной улыбкой и сказал: — Перегиб. Признаю, мой собственный перегиб. А перегибы, скажем прямо, это не наше дело. Будем бороться со всеми перегибами.

И мы стали бороться со всеми перегибами. С плохими, с хорошими, с разными. Впрочем, по давности лет я, возможно, что-то перепутал. Кажется, хороших перегибов не бывает. Во всяком случае с ними не борются. Уж не припомню, что именно говорил Толя на сей счет.

...Дорогой читатель! Простите нам грехи молодости. Были мы с Толей уж больно зелены-молоды и, открывенно говоря, не шибко грамотны. И все вокруг нас тогда было очень молодо, а пути-дороги неизведаны. Мы страстно жаждали нового и искали его, как умели. И еще смущающим мне обстоятельством пусть будут наша искренность и доброта. Ей-богу, нам казалось, что всякие настроения впадают к нам прямо из проклятого прошлого. А мы горячо любили людей и нашу новую, советскую, жизнь, мы хотели, чтоб все было как можно лучше.

Но довольно вспоминаний! Пора, наконец, обратиться к волнующей современной теме! Недавно я встретился с одним весьма зрелым мужем. После краткого разговора с ним мне показалось, что он напоминает кого-то из давних знакомых. Неужели Толю? Нет, нет! Вот если бы Толя не встретил своей Люды и не научился улыбаться, то мой новый знакомый, пожалуй, был бы чуть-чуть на него похож.

С Неулыбающимся зрелым мужем я встретился на художественной выставке. — Посмотрите, — сказал я, — какой нежной грустью веет от этого пейзажа. Неулыбающийся довольно долго смотрел на картину, затем прознес: — М-г... Грустнее? А почему? А для чего это?

И испуганно посмотрел мне в глаза. Но безразличный взгляд Неулыбающегося уже скользил по следующим картинам. — М-г... Грустнее? А почему? А для чего это? Не приходилось ли вам встречать Неулыбающегося, разговаривать с ним? Его легко узнать. Гладкое — ни единой складки — неподвижное лицо без малейшего отпечатка каких-либо эмоций. Особенно представитель Неулыбающийся со спины. Прямоугольный бетоноподобный макинтош делает его фигуру воинственно монументальной.

В жизни Неулыбающегося бываю сложные ситуации, когда — позарез

— надо хоть чуточку улыбнуться. Но и тогда он остается верен себе и лишь слегка растягивает губы. Это судорожное шевеление губ на тусклом неподвижном лице производит удручающее впечатление. Окружающие предпочитают видеть его таким, как он есть, — Неулыбающимся.

Случилось так, что мой новый рассказ оказался на обширном столе у Неулыбающегося. — Прочел, прочел, — сказал он, похлопывая ладонью по рукописи. — Знаете, в вашем рассказе есть настроение. — И слегка зарделся, довольный похвалой. Но, взглянув на Неулыбающегося, понял, что ничего хорошего его слова не предвещают.

— Да, настроение! — холодно повторил он. — А что это значит? А почему? Мой друг Толя, тот просто рубил с плеча. Как разумел. И без цитат. Неулыбающийся не мог так упрощенно действовать. Его рука сразу же потонула в толстом фолианте. Что говорит на сей счет Толковый словарь? Как научными объясняется данное явление в Большой Советской Энциклопедии, в 29-м томе на букву Н? Затем надо посмотреть следующие тома, а вдруг там имеются поправки или даже опровержения к вышеупомянутой букве Н.

Не из того, что он прочел, а по суровому тону Неулыбающегося стало ясно: отсечь! Не наше это дело — настроение.

Он не был ни редактором, ни издателем. Судьба расказана ни в какой мере не зависела от него. И все же мне стало не по себе... — Позвольте! — возмутился я. — Ведь настроение — это понятие. Люди-то живые! — Тут я вспомнил милому Люду, у которой было столько нехороших настроений. — И, наконец, черт побери, бывает же бодрое и хорошее настроение.

— Хорошее? Настроение? — удивился Неулыбающийся. — И глубоко задумался. — Мне кажется, что лучше всего без... Польза от всяких так называемых настроений не дозана, а вред возможен. К тому же практика подтверждает — есть книги без настроений. Я считаю, что это правильные книги. А ведь главное, чтобы все было правильно! Но если ваши герои никак не могут без настроения, то ладно уж, оставьте им бодрое. А все остальное... — он взмахнул рукой, как будто держал саблю.

И в воздухе просветлело: отсечь! У меня мелькнула страшная мысль: «А что если бы?..» Что если бы, упаси бог, от Неулыбающегося и в самом деле зависела судьба рассказов? Или, скажем, судьба полубогини моего пейзажа?

На миг я представил себе Неулыбающегося в роли такого вершителя судеб, Сдвинутые брови, в глазах — металлический блеск, в голосе — скрепящая рываго железа. Вот он весьма определенно кому-то указывает, что-то отсекает. А может быть, наоборот, сначала отсекает, потом указывает... Я почувствовал озноб, но вспомнил, что мне это лишь только примерщившаяся и облегченно вздохнул. Заначивая разговор, я из вежливости все же спросил:

— Так что вы посоветуете? Неулыбающийся подумал и уныло прознес: — Пожалуй, оставьте им хорошее настроение. Ведь мы — оптимисты. Было ясно: жизнь свою Неулыбающийся прожил без всяких так называемых настроений. Оканчивая тупость придавала его лицу почти величественное выражение.

— Позвольте, — снажут некоторые, — где вы видели такого Неулыбающегося? Откуда он взялся в наше время? Возможен ли вообще подобный тип на данном этапе? Не выдумал ли все это писатель?

И тут я должен честно и прямо признаться: да, выдумал. Правда, не все. Толя, тот действительно жил и поныне здравствует. И Толя тоже. А что касается Неулыбающегося — каюсь... Не может, не должен существовать такой тип в наше время. А коли не должен, значит, и нет его! Это я выдумал Неулыбающегося. За что и приношу свои глубокие извинения перед уважаемыми читателями.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ИСТОРИЯ ОДНОГО НАСЛЕДСТВА»

Под таким заголовком год тому назад, в июне 1959 года, в «Литературной газете» было опубликовано письмо группы видных деятелей литературы и искусства. В письме шла речь о печальной судьбе коллекции картин и рисунков, оставшихся после смерти известного советского художника П. В. Митурича, ставшей предметом судебной тяжбы между его наследниками.

Напомним, что, выполняя волю покойного художника, его вдова Ю. Н. Митурич и младший сын (тоже художник) М. П. Митурич хотели передать всю коллекцию в дар Государственному музею Ленинграда и Москвы. Этому воспротивились старшие дети художника от первого брака — Василий и Мария Митуричи, требующие раздела наследства «на четыре эквивалентные части».

Министерство культуры СССР обратилось в судебные органы с просьбой сохранить произведения художника в едином собрании. С аналогичным письмом обратился заместитель директора Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина профессор Б. Випнер.

В заключение Государственного Русского музея говорится: «Искусство П. В. Митурича ждет еще своего исследователя, поэтому сохранение наследия художника единым комплексом является совершенно необходимым и с научно-художественной, и с общественной точек зрения».

В таком же духе высказалась секция графики МОССХ. Ближайшие ученики П. В. Митурича и его друзья — видные советские художники — также убедительно просят судебные органы не допустить раздела.

В Гражданском кодексе есть статья, которая запрещает производить раздел, если в результате его «несоразмерно уменьшится ценность имущества». А ведь здесь речь идет о художественном наследии, имеющем большую ценность; оно не может считаться имуществом в обычном смысле.

присутствовал на судебных заседаниях, и оба раза истцов волновало лишь «кто больше даст». Должен ли советский суд потакать русским настроениям? Закон, действительно, говорит о возмещении стоимости наследства, но где сказано, что наследники вправе закладывать цену, которая исчисляется исходя из рыночных цен? Или и нужна ли вообще «компенсация» в данном конкретном случае? Не уместно ли вспомнить о существовании статьи 1-й Гражданского кодекса, где говорится, что права граждан охраняются лишь постольку, поскольку это не противоречит их общественному назначению?

Вызывает удивление, что «войну» за сохранение целостности художественного наследия отца младший сын Май Митурич ведет в одиночку. Ни Союз художников, ни представители государственных музеев участия в судебных заседаниях не принимали. А ведь они — по юридической терминологии — «заинтересованные лица».

После выступления газеты прошел год, но дело о наследстве художника Митурича с мертвой точки не сдвинулось. Заместитель председателя Мосгорсуда тов. Карташева сообщила редакции, что слушание дела будет происходить 14 июня с участием прокурора. Однако на судебном заседании прокурор не явился, и 14 июня суд вновь был перенесен.

...Судебное разбирательство продолжается, конча ему не видно. А пока вот уже два года картины и рисунки художника П. В. Митурича находятся под арестом. Исследователям, художникам, любителям искусства доступ к ним закрыт.

В заключение нельзя не отметить несовершенство нашего законодательства о наследовании: вся эта позорная тяжба стала возможной только из-за того, что закон о наследовании не предусматривает различия между домашней утварью и результатами вlohонного творческого труда, который, несомненно, должен быть достоянием народа.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» Сердечно благодарю товарищей — читателей «Литературной газеты», писателей, журналистов, зарубежных друзей, — поздравивших меня с пятидесятилетием.
В. КОСОЛАНОВ

ДВЕ КНИГИ, ОДНА СУДЬБА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Александрович. Переучиваться не стану, а ручной работы на мой век хватит...

Страшный шум поднялся на заводе. Кто же будет работать, если разбегутся «ювелиры»? Не эти ли мальчишки? — Да что у нас — завод или детский сад? — воскликнул однажды на партийном собрании начальник «святого сада» завода — Центральной заводской лаборатории.

Так для тридцати восьми питомцев Камышева проводился меткое словечко: «детский сад». А по ночам, когда затихал двухэтажный дом на Починках в Сорومه, — во всех четырех его квартирах жили братья и сестры Камышевы с семьями, — и только свет настольной лампы падал на стол, сделанный руками Павла Александровича, и тени падали по стульям и дивану, сработанному Павлом Александровичем, хозяином дома садился писать учебник для своего «детского сада». Он назывался «Профильный шаблон». Размышления о лекальном мастерстве, указания, как направлять шлифовальный круг, чертежи, таблички...

«Профильный шаблон» вышел спустя несколько месяцев ничтожным тиражом и разошелся мгновенно. Каждый питомец «детского сада» получил его в подарок от Павла Александровича. И Мишка Шкаев — теперь Михаил Александрович, начальник калибрового хозяйства автозавода.

И Аркадий Лазарев — ныне начальник цеха крепежа и прессформ. И Плевочка Маруся — она, правда, работает уже на другом заводе. И Герман Вартман — старший мастер мерительного цеха.

И Борис Андреевич Серов. Он и поныне лекальщик у Ефима Яковлевича Глинера в инструментально-штамповом отделе автозавода. Тот самый Серов, у которого и увидел тоненькую затрепанную книжечку со стержнями названием секретарь обкома партии, когда он приехал на автозавод и нетерпеливо спросил: «Где же, наконец, лекальный участок?»

— ...Так, — сказала секретарь обкома. Он уже обошел весь корпус, перевернула со множеством людей и вновь вернулась к станку Бориса Серова. — Теперь я поняла. Вы механизировали все лекальные работы. У вас нет ни одного ручника. И вы об этом молчите... Странные вы люди!

Вернувшись к Камышеву, прищурив глаза, секретарь обкома спросил: — А если бы эту книжечку переписать? Переиздать? — Времени не хватает... — призналась Павел Александрович и тут же поправился: — Или не умею его организовать... И общественной работы много...

— Общественной? — переспросила секретарь обкома. — А может, лучше объявить вас в порядке общественного или партийного собрания для переписки книжечку... Семинар ведет? Долой! Общественная производите? К доводу! Можете к зиме книжечку кончить? Мы ее тогда весной и издадим!

И так как Камышев молчал, секретарь обкома показала, что он колеблется. Секретарь обкома сердито спросил: — Как думаете, сколько свернется государству, если на всех заводах все лекальные работы перевести на шлифовальные станки? — Миллиарды... — спокойно ответила Камышев.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Через четверть века не рабочий-лекальщик, не инструментальный рабочий оказался перед крупным поворотом. Уже вышла и в несколько недель разошедшаяся переработанная им книга, — она называлась «Практика профильного шлифования», — и третье издание, расширенное до 24 печатных листов, было сдано в набор... И как раз в это время Камышеву пришлось расстаться с заводским оборудованием, потому что начались в промышленности большие перемены, а в ней Камышеву было отведено свое новое место.

«Короли» и «ювелиры» еще царствовали на многих заводах, даже тех, что расположены поблизости от Горьковского автомобильного, и как давали и тридцать, и сорок лет назад они водят пилюшкой, «книжат», добываясь часами напряженного ручного труда удивительных точностей. Неподражаемые искусники, бесценные люди!

Странно? А что ж тут странного? Старое живуче, оно соседствует с новым. Оно не сдается. С той вышки, на которую был теперь поставлен Камышев, — он стал главным инструментальщиком Горьковского совнархоза, — ему все это было отчетливо видно.

Он тосковал по автозаводу, по инструментально-штамповому отделу. Когда Павел Александрович переступил порог проходной и направился к длинному желтому зданию, растянувшемуся на полкилометра, его сердце усиленно стучало. Черт побери, отчего это оно всегда так бешено колотится, не такое уж оно у него старое сердце — всего ему шестьдесят лет с хвостиком...

Но это длилось лишь до тех пор, пока он не оказался в корпусе. Тогда начинались дела, и сердце сразу успокаивалось. Камышев входил в огромную комнату, сплошь уставленную длинными столами. За ними сидели рабочие, технологи, конструкторы. Это шло занятие межзаводской школы, обучающей профильному шлифованию. Горьковский совнархоз организовал ее не только для инженеров и рабочих своего экономического района. Нет, сюда приезжали на два месяца люди из Красноярска, Ростова, Казани... Здесь они знакомились с теорией профильного шлифования, потом становились к станкам.

Камышев присаживался в сторонке, слушал. Как это правильно они придумали в совнархозе: приглашать на учебу не только станочника, но и технолога, и конструктора. Мало знать, как шлифовать инструмент. Нужно еще, чтобы в проекте уже учитывались возможности шлифовального станка, точности, которые он способен обеспечить.

С тех пор как вышло второе издание книги, совнархоз был буквально завален письмами: где достать плоскошлифовальные станки для профильного шлифования? Продайте их нам! Пришлите чертежи, мы и сами попытаемся их построить! Примите наших учеников!

Горьковский автозавод изготовил 198 тысяч станков. Он снабдил их всеми необходимыми приспособлениями, деталями и для запорного дуг и углов, единичными линейками, индикаторами... 150 станков были распределены среди предприятий Горьковского экономического района. 48 — ушли в Ленинград, Москву, Владимир, Тулу...

Надо было узнать, как работают эти станки за пределами Горьковской области. А рассказать это мог Камышев, его ученики, и ученики его учеников, и ученики учеников его учеников.

Они разрезали по всей стране и показывали, как на плоскошлифовальных станках обрабатывать сложные профили.

Он подходил к Николаю Ивановичу Еранову — замечательному мастеру. С ним Павел Александрович однажды побывал на Московском автозаводе. Камышев рассказывал инструментальщикам-москвичам об опыте профильного шлифования и в числе своих лучших учеников назвал Еранова.

Вдруг кто-то шагнул к столу, за которым сидел Камышев, положил чертеж, сказал: — Вот на эту «штучку» мы затрачиваем свыше пятидесяти часов. Хотелось бы знать, за сколько времени сделать подобный шаблон ваш Еранов.

Камышев рассмотрел чертеж, подумал, ответил: — Такую «штучку» мы давно уже не делаем ручным способом. А Еранову на нее нужно самое большее шесть часов...

Ой ли? — подмигнул инструментальщик. — Пойдем на линию? — не выдержал Еранов. Когда несколько часов спустя Еранов предъявил им готовый шаблон, когда они заглянули в него и увидели, что все размеры выдержаны с необыкновенной точностью, что все спилы дуг и пересечения прямых выполнены артистически и сделано это не за пятьдесят, а только за шесть часов, они один за другим принялись пожимать Еранову руку. Ту руку, которая давно отвыкла от оселка и на которой пилюшка не успела выдвинуть вмятину.

И как же был рад Еранов, когда потом ему написали москвичи, что и они применяют сейчас профильное шлифование на станках! ...От Еранова Павел Александрович переходит к Матвею, от Матвея к Швачкову...

Где только не побывал Матвей, демонстрируя искусство профильного шлифования! Каким только людям не обратил в свою веру!

У Матвея есть целая «библиотека» шлифовальных кругов, уже заправленных для самых различных профилей. В конце концов, как ни велико разнообразие профилей, а все же нет-нет да повторяется то или иное очертание.

Когда Владимир Григорьевич Матвей дадут изготовить самый необычный, самый сложный шаблон, он прежде всего отыскивает уже повторяющуюся конфигурацию. И тогда нужно только протянуть руку и снять со стеллажа готовый круг.

Нет, не заправляет новый, только взять уже когда-то использованный и тут же мысленно отметить: два часа экономии! — Как дела, Еранов? — Давно вернулся, Владимир Григорьевич? — Что сейчас шлифуешь, Борис Андреевич? — Да вот, понимаешь, — отвечает Борис Швачков, — разработал профессор Цивс конструкцию острозаточенных сборных червячных фрез. Очень штучка интересная! Заказал он их одному заводу, и там не справились, другому — тоже не добились точности. И оказалось, в итоге, сама конструкция скомпрометированной. И вот попал к нам. Поручили эту штуковину мне. Сделал, понимаешь. И, знаете, одна такая фреза заменяет тридцать четыре штуки. Это ж вагоны металла сэкономили!

ЕСТЬ У НАС ТАКАЯ КРИТИКА!

РАДУЯСЬ хорошей статье в газете или журнале, тут же вспоминаешь почти уже вышедшее: критика наша отстает от жизни, ей недостает того и этого, пятого и десятого, критика должна быть страстной, боевой, художественной, принципиальной, партийной, критика должна быть критикой, то есть тем, чего у нас еще нет и о чем мы только мечтаем.

Но вот я беру уже не статью, а целый сборник статей «В борьбе за социалистический реализм» («Советский писатель», 1959), и мне хочется сказать: — Есть у нас такая критика! Большинство статей сборника (они были опубликованы в журнале «Знамя» в последние годы) отличается партийностью и доказательностью, в них есть и острая полемика, и точный приезд, написаны они с живым пониманием предмета и глубокой убежденностью в правоте идей, питающих нашу литературу.

НЕРАВНЫЙ БОЙ В свое время наших критиков упрекали за инертность по отношению к ревизионизму, объяснив поход против социалистического искусства, особенно после XX съезда КПСС. На каком-то этапе эта инертность имела место. Мы можем вспомнить даже, как отдельные товарищи готовы были пойти на кое-какие уступки. Но вскоре советская критика по боевому скрепился оружием с ревизионизмом. Статьи И. Анисимова «Социалистический реализм и современная литература», Б. Сучкова «Некоторые итоги», И. Гринберга «Спор об оптимизме и пессимизме» и другие дают наглядное представление о боевой вооруженности нашего искусства, нашей литературной критики.

У «отрицателей» социализма не оказалось почвы, они выступили, не имея ни тылов, ни резервов, решительно отвергнув великое наследие. Бальзам, Гюго, Аполло — Француз объявляются устаревшими, скучными, мешающими развитию современной литературы.

Бойдя с мыслями о крахе реализма и кризисе романа, с недоверием к жизни, к будущему, с убитой верой в человека, сомневаясь во всем и все отрицая, гласнати ревизионизма зовут современных писателей под знамя модернизма, сущность которого великолепно раскрыта в книге, особенно в статье В. Сучкова «Некоторые итоги». Чего стоит, например, «творчество» одного из лидеров «черной литературы» Марка Хласко, о котором упоминается в статье Б. Сучкова и вокруг которого, пишет критик, «юлила компания литературных снобов и ревизионистов, превознося его до небес за «смелость» за «критицизм», за «открытие сомнений». «Легче было бы издыхать... если бы люди уж никогда не поверили никакому солнцу», — вот кредо Хласко и хласкидов. Выпестованных ревизионизмом.

Читая статьи Б. Сучкова, И. Анисимова, Я. Эльсбергера, И. Гринберга, читаешь в целом, видишь два сражающихся лагеря. Лагерь социалистического искусства, несущий в себе энергию и здоровье нового мира, и лагерь потерявшего дорогу буржуазного искусства. Он еще цепляется за живое, собирает последние силы, бросает их в бой, выставив ревизионизма всех мастей в авангарде. Но бой-то явный неравный для ревизионизма.

С ПАРТИЙНЫХ ПОЗИЦИЙ Наряду с хорошо аргументированной критикой ревизионизма авторы статей обосновывают (одни в общей форме, другие, привлекая конкретные факты литературного процесса) плодотворную мысль об исторической закономерности рождения и роста литературы социалистического реализма как нового этапа в художественном развитии человечества.

В статье Я. Эльсбергера заслуживает внимания постановка вопроса о подлинном понимании реализма, о научной методологии исследования реализма, что позволяет — и автор делает такую попытку — точнее и определеннее выявить природу новаторства и традиций в советской литературе.

Интересно в этой связи замечание И. Анисимова о характере тенденциозности в «Тихом Доне» М. Шолохова. «Сознательная направленность творчества художника», — пишет И.

Автограф Пушкина

Старая, большого формата тетрадь, исписанная разными почерками. Это рукописный экземпляр № 9 журнала «Московский телеграф» за 1827 год, переданный из цензуры в типографию для набора. В нем много правок рукой друга Пушкина поэта П. Вяземского и замечаний цензора И. Ситникова. По указанию последнего, издатель Н. Полевой заменил слова «французская революция» словами «современные события», «божественный» — «небесный» и т. п.

И вдруг... заголовок «Журналист Фиглярский и Истина», а под ним характерным пушкинским почерком двенадцать строк:

Он точно, он бесспорно,
Фиглярский журналист,
Марагодей поворно
Свой бестолковый лист.
А что что за дура?
Ведь Истина, ей-ей!
Давно ль его кошура
Знакома стал ей?
На чепуру и враки
Чутьем наведана,
Заметили марши
Пришла мешать она.

Пушкинское «поворно» в третьей строке рукою Е. Баратынского заменено словом «здорно». Есть и другие исправления.

До сих пор автором эпиграмма на Фаддея Булгарина считался поэт Е. Баратынский. Пушкинист Т. Цявловская, исследовавшая текст рукописи, принадлежащей одному из московских собирателей, установила, что эпиграмма была написана Баратынским при участии Пушкина 16 мая 1827 года на вечеру у издателя «Московского телеграфа» Н. Полевого. Эпиграмма была вызвана выходом в свет первого тома сочинений Булгарина, на обложке которого изображен автор рядом с аллегорической фигурой Истины.

Сообщение о новом открытии автографа Т. Цявловская сделала на традиционной Пушкинской конференции, проходившей в Ленинграде, в Институте русской литературы (Пушкинский дом).

На конференции присутствовали пушкинсты 29 городов страны, ученые из КНР, ГДР, Польши, Болгарии, Чехословакии, Англии, Японии.

И. ПИКНОВ

Анисимов, — индиге не превращается в выступающую на поверхность тенденцию. Но идея исторической неизбежности победы социализма проплетается все. Отсюда исчерывающая полнота изображения действительности...»

В сборнике есть одна сравнительно давняя работа. Это «Разговор начистоту» Л. Скорнино. Несмотря на сравнительную давность, статья эта кажется в книге вполне уместной, она как бы открывает ту острую полемику, которую вели критики журнала «Знамя» в течение ряда лет и которая была направлена на преодоление в нашей литературе отдельных рецидивов субъективизма, попыток некоторых литераторов отойти от партийных позиций во взглядах на жизнь и на литературу. Эта линия борьбы за чистоту идейно-художественных принципов советского искусства в том или ином виде, проходит через все статьи, посвященные литературным событиям последних лет.

В статье А. Макарова «Разговор по поводу» линия эта является направляющим комплексом в полемике автора по поводу оценок возвращенного нашей литературе творчества таких писателей, как Бабель, Артем Веселый и Павел Васильев. Интерес статьи не столько в более или менее точных оценках, сколько в самой методологии подхода к историческим явлениям нашей литературы. А. Макаров с большой последовательностью связывает творчество Бабеля, Артема Веселого и Павла Васильева с их мировоззрением, с особенностями их понимания процессов современной им действительности.

А. Макаров сумел разобраться в социальной природе всех этих сложных литературных явлений. При этом он не повторяет общепринятой у нас истины о решающей роли мировоззрения в творчестве художника, а подводит и ней читателя своим тонким и глубоким анализом.

Статья Е. Кипович «Мировоззрение художника», представляющая собой отклик на книгу Константина Федина «Писатель, искусство, время», стоит как бы в стороне от споров и литературных забот нынешнего дня. Но так кажется только с первого взгляда, причем поверхностного. На самом деле, размышляя над многолетним опытом крупного советского художника, критик неизбежно приходит к постановке и осмыслению многих вопросов, волнующих современную литературу.

«...Мировоззрение многих художников прошлого», — пишет автор статьи, — в том числе и величайшего, было столь противоречивым и сложным, что в их суждениях гениальная проницательность нередко сочеталась с исторической и социальной ограниченностью, принимавшей форму субъективнейшего произвола... В сущности, первым художником, который в критических работах дал точную в основных чертах картину развития литературы мировой и русской литературы, был Горький. Не потому, что он был самым гениальным писателем всех времен и народов, а потому, что самими гениальными в истории человечества были те силы, которые сформировали и питали его творчество».

Эта мысль критика — ключ к пониманию взглядов и пристрастий К. Федина, его раздумий о времени, литературе и назначении писателя. Как и Горький, К. Федин формировался под воздействием тех же сил и «по-настоящему научного социализма». Вот почему, вынося личное отношение К. Федина к широкому кругу вопросов и явлений, охватываемых в его книге, критик, собственно, продолжает разговор о коренных проблемах марксистско-ленинской эстетики, преломленных в богатой индивидуальности художника.

Наконец, надо сказать и о большой работе В. Паннова, открывающей сборник. Называется она «Новые рубежи».

Хорошо взметнуться ввысь, к солнцу!

Фотозолот А. Кизлэва

Речь идет о завоеванных нашей литературой нынешних рубежах. Чтобы разоблачить в этих завоеваниях, критику проследовать весь послевоенный путь, пройденный литературой, устанавливая при этом, что она разноразно, лась под знаком все более глубокого познания жизни народа, под знаком верности коммунистическим «присягам и мечтам». В статье много фактов, живых наблюдений, замечто, что автор пристально следит за литературным процессом, но в осмыслении этого процесса есть и такое, с чем нельзя не поспорить.

НЕСКОЛЬКО РЕПЛИК

Автор «Новых рубежей» представляет нам картину послевоенного развития литературы как прямую восходящую линию — вперед и выше! Если говорить обобщенно, то так оно и есть. Разумеется, не назад и ниже. Но если рассматривать этот путь конкретно (автор статьи так, истаи, и поступает), то нельзя не заметить трудностей и болезней роста, которые пришлось преодолеть нашей литературе на этом пути, и тогда линия не покажется такой уж безупречно прямой. Ни для кого теперь уже не секрет, что преодоленные ныне трудности и болезни литературы возникли в свое время в условиях культуры личности. Сегодняшний читатель не только хорошо знает, но давно уже привык и мысли, что с 1953 года произошел большой сдвиг и в экономике нашей страны, и в развитии социалистической демократии, и в общественном сознании народа. Неужели все это никак не отразилось на нашей литературе? По мнению автора «Новых рубежей», — никак.

Никаких сдвигов не было. Было только хронологическое появление, одна за другой, новых книг — от повести В. Овечкина «С фронтовым приветом», «Счастья» П. Павленко до «Районных будней» В. Овечкина и «Витвы в пути» Г. Николаевой. И в этом длинном ряду книг, вышедших в течение пятидесяти послевоенных лет, просто были более сильные и менее сильные. «Степень учия», — как заявляет критик, — зависела от мастерства». Развивая эту мысль, критик уверяет, что «некоторые авторы не умели показать трезвость и деловитость народной мечты, — впадали в легковесное проективство, потеряли чувство художественной меры, выливались в уста персонажей декларационные реплики или витиеватые монололы о будущем. Недостатки мастерства отдельных писателей, грешихших и против действительности и против искусства, не могут ставиться в упрек всей литературе, ее общему направлению». И так, направление спасено, а отдельные неудачи объяснены «впадением в уста» неудачных реплик и монологов, отсутствием мастерства. Но, как выясняем из статьи, и позже, и в настоящее время такие выходили и выходят книги более сильные и менее сильные, и их недостатки опять же объяснены автором изъянами в литературном опыте и мастерстве того или иного писателя. В результате получается такая картина: декларативно статья утверждает «вперед и выше», а по существу раскрывает только календарное движение литературы, в смысле же угла зрения писателя, понимания жизни, проникновения в глубинные процессы ее литературы — делает лишь боковой шаг на месте.

Подобное выпражнение литературного процесса не только искажает сам процесс, но и лишает литературу возможности трезво оценивать опыт пройденного, углублять и совершенствовать этот опыт.

Пафос большинства статей книги — это критический пафос, направленный против отрицательных фактов в нашей литературе и литературной критике последних лет.

Разумеется, читатель, помня, что перед ним статьи одного журнала, причем написанные в ходе творческих дискуссий и споров, не делает неверного вывода, что наша литература вместо сдвигов к лучшему переживает последние годы только неудач. Нет! Книга не претендует на полноту освещения литературного процесса, она выделяет одну его сторону. И такие книги имеют право на жизнь — наравне с теми, где картина современной литературной жизни представлена с большей полнотой.

К 60-ЛЕТИЮ ТИХОНЫ СЕМУШКИНА

Дорогой Тихон Захарович!
Горько приветствуем, сердечно поздравляем Вас в день Вашего шестидесятилетия. От всей души желаем Вам доброго здоровья, долгих лет жизни и новых больших творческих успехов.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СЕМЬЯ УРАЗМЕТОВЫХ

В РЯД ЛИ нужно перекладывать фабулу романа, в котором свыше пятидесяти пяти действующих лиц, не считая «статистов», а действие непрерывно доводится и разветвляется. Главным героем романа Абдурахмана Абсаламова «Огонь неугасимый», его центральный нерв — семья Уразметовых. Судейман, старший токарь завода «Казмаш», два его сына, невестка, дочери, из которых младшая, Нурия, еще учится в школе, — вот они. Уразметовы, очень разные, каждый со своими привычками, особенностями характеров, мечтами и заботами. Разные и вместе с тем похожие. Они одинаково горячи в дружбе и неприязни, одинаково влюблены в жизнь и труд. Больше всего, пожалуй, обаятелен у Абсаламова образ Нурии, страстной голубатницы, маленькой и озорной хозяйки дома, умеющей осторожно и неприметно утихомирить отца. С любовью и доброй улыбкой изображает писатель старшего Судеймана. Этот токарь, потомственный рабочий, вспыльчив и бестрашен, прям, хотя может иногда слукавить, не сразу, как говорится, открыть карты. Человек ясной души, он является центром семьи, ее крепким стержнем.

Рядом с таким отцом не удивителен и Иштуган Уразметов — старший сын заводского токаря, унаследовавший от Судеймана не только его профессию, но и широту души, жажду пылкого изобретательной мысли. Не только благополучие и красоту видит писатель в семье Уразметовых. Вот младший сын Судеймана Ильмура: он не хочет работать у станка, ищет должностя починке — подходит. Тяжело старому токарю слышать от сына: «Зря ты меня званием рабочего... время было такое. А сейчас... не в моде оно». «Коллективный портрет дружной рабочей семьи — не только большая удача писателя, но и значительный успех всей татарской литературы. Уразметовы — наши современники, люди сегодняшние, живые, думающие и деятельные. Чтобы написать о них, нужны большая зоркость и хорошее чувство современности.

К сожалению, за пределами семьи Уразметовых в романе «Огонь неугасимый» значительно меньше удач.

На страницах, посвященных заводу «Казмаш», много растянутых описаний собраний и совещаний, далеких от образности художественной прозы. К тому же чувствуется стремление писателя отозваться в одном произведении буквально на все. Тут и помощь деревне, и освоение целины, и индивидуальные производственные планы, и разоблачение клеветников, и воспитание детей, и озеленение цехов, и пионерские комитеты в жилых домах, и ведомственность в управлении промышленности (роман был написан до организации совнархозов)... Думается, что такое стремление откликнуться «на всякий звук» загромадит повествование, рассеивает внимание читателя, а на поверку делает роман уже через несколько лет уже устаревшим.

Не всегда удаются Абсаламову избежание упрощенного изображения характеров. Примитивно карикатурен председатель завода Калюков. Чувство досады вызывает и образ парторга механического цеха, бывшего моряка, истат и нектати повторяющего скучный набор флотовских словечек (сколько отставных моряков уже скопилось в нашей литературе!).

Но, пожалуй, не менее, чем примитивность некоторых героев и сюжетных линий, беспокоит меня в романе Абсаламова серьезный просчет автора в работе над образом Хасана Муртазина — нового директора завода, с которым связана судьба семьи Уразметовых. Представленный в своей протистории как человек, вышедший из гущи народной жизни, Муртазин, однако, оказывается зазнавшимся эгоистом.

А. Абсаламов. «Огонь неугасимый». Роман. Издательства «Советский писатель», 1959.

высокомерным чиновником, очковителем, обманывающим партию и государство, «феодалом» в семейной жизни, свекром отцом, у которого сын — уголовный преступник.

Эту противоречивость героя Абсаламов формулирует следующим образом: «Он был одним из тех, кто в своей биографии отражал и красоту неповторимой эпохи, и ее противоречия». Не говоря уже о том, что подобно соединению «красоты» и «противоречивости» эпохи, каким оно получилось в образе Муртазина, неудачливо, автор допускает и сомнительное объяснение характера своего героя сугубо личными его качествами.

И все-таки мне хочется подчеркнуть, что при всех досадных неувязках и шероховатостях роман «Огонь неугасимый» — бесспорный успех Абсаламова. Перевод на русский язык дает возможность познакомиться с романом широкой массе читателей.

К сожалению, качество перевода, сделанного М. Демидовой и М. Чеченовским, как говорится, оставляет желать лучшего.

Помимо того, что во многих местах перевод грешит небрежностью и торопливостью, которые неизбежно приводят к загромождению и порой и просто безграмотным оборотам речи, русский текст книги не утрачивает и стилистически «яркие» фразы вроде: «Открытое партийное собрание объявляется закрытым», «Нурия с подружками почти каждый день урывались на вокзал», «на полу, на шкафах, на кроватях млело, чуть поковылявываясь (!), узурпаторе отражение (?) оконных занавесей», «...она открыла дверь с табличкой: «Комитет комсомола». Включила свет. Сняла верхнюю одежду (?), открыла форточку и села к столу... Перлов таких немало.

Работа торопливая и небрежная свидетельствует прежде всего о неуважении к писателю, которого переводят, и к ответственному, великому делу взаимного обмена книгами в многонациональной советской литературе.

В. ЛУКАШЕВИЧ

РЕПЛИКИ

Рассказывают, что некий антрепренер, стремясь продвинуть на провинциальную сцену творения классической драматургии, проделывал всевозможные метаморфозы с героями пьес. Вот как приблизительно выглядел эпизод распраги некоего Отелло с неизвестной Дездемоной.

Мавр появился на авансцене в белых лайковых перчатках и цилиндре набедрен, кроважандо хватал за горло партнершу, обремененную в красной сарафане и зеленые сарафанею сапожках, и пытался вопрошал:

— Молилась ли ты на ночь, Василья!

В этот момент из-за кулис показывался подлый клещ в четвертом акте на сцене вырастет юный сад...

И вот особо чувствительный зритель орочешт слезами программу, в которой перечислены действующие лица: врач Арменак Абгарович, его жена Астхик Суренова, скрипач Грайр Рубенович, Ваняцян, его жена Маргарит, Арташес, Лусик и другие.

Эта история... Но вот случай, который произошел в Ленинском театре, в какой-то степени воскрешает прошлое.

Недавно зрители Ленинского театра пьесу Л. Леонидова «Наши сыны». В основе этой пьесы положено сентиментальная мелодрама с бродячим сюжетом: некая чета усыновляет мальчика, потерявшего в дни войны родителей. Случайно родители находятся (опознать сына помог все тот же шрам на лице). И драматург стремится как можно безболезненнее для всех заинтересованных лиц вернуть сына в лоно законной семьи.

Без «торжества ответственности»

А. С. Макаренко негодовал когда-то: «Как будто редакторы не обязаны задумываться над вопросом: как подается тема, какие мысли и чувства вызывает ее разработка у читателя, насколько художественно и интересно она сделана, насколько для чего книга написана!»

Любопытно, как ответили бы на этот вопрос редакторы книги Б. Вадецко «Глинка». А редакторы было немало: в предисловии к роману было опубликовано несколько лет назад в Смоленском книжном издательстве, недавно его включили в издательстве «Советский писатель». Но ни Д. Дворецкий и В. Звездава в Смоленске, ни А. Семенов в Москве, видимо, не были озабочены тем, как подается тема в книге, «какие мысли и чувства вызывает ее разработка у читателя». Вот об этом мы и хотим поговорить, так как в романе великое множество искажений.

Для начала Б. Вадецкий основательно запутывается в семейной истории Глинок. Больше всего досаждает от него Людмила, младшей сестре композитора, которую он рисует сентиментально-слащавой и туповатой. Трудно поверить, что такая женщина много лет разделяла тревоги нелегкой жизни брата, была ему ближайшим другом и помощницей. Даже дата ее рождения перепутана: она родилась в 1816 году, но если верить роману, уже в 1812 году относилась к брату «насторженно».

Впрочем, где уж тут искать хронологической точности в отношении сестры композитора, если невозможно установить даже же год рождения самого Глинки: «Восьмой год, как Бонапарт ушел! — рассказывает Игнат... — О том мужике, которому нынче годов двадцать минуло, говорит: «Двадцать, стало быть, до Бонапарты было... С этого и счет ведут!» — Мне, выходит, всего лишь шестой пошел, — усмехнулся Глинка необычному этому численному...» И так, Глинка по воле автора заявляет, что год его рождения — 1806.

Но как же так? Ведь не сколькими страницами выше мы читали, что с 1818 по 1822 год будущий композитор учился в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте, где подружился с Кюхельбекером, преподававшим в пансионе: «Учитель литературы всемиладцать лет, ученику тринадцатый». Снова неточность! Разница в годах была иной: Кюхельбекер родился в 1797, а Глинка в 1804 году.

Вообще, странные вещи происходят с Глинкой во время обучения в пансионе. Например, он читает там неустав стихотворение Рыльева «Гражданин». Причем не удивительно, что «Рылеву слушал его растроганный и молчаливый». В самом деле, о чем было ему говорить, если он написал своего «Гражданина» незадолго до восстания на Сенатской площади, а изуст Глинка услышал на несколько лет раньше. В романе Б. Вадецко Рылеву смог бы предельно поэма-

РЫБАЧКА

Ждите мужчин пропахших,
Всеми морями пропахших,
Наши мужчины прудут!
С мужичинами так бывает —
Вдурт пропадут.

Нескончаема наша вера,
И любя из нас постылава:
Бесполокими мужичинами, как ветром,
Высоким, будто белые скалы.
Как без них день и ночь моросило!
Как тоске нашей ветер вторило!
Уши — равонины морские,
В них все время гремело море.
На рассвете, кашля хрипло,
Мы тащили сети из глыбы.

Сядна к нашим косам прилипла
Чепуеу холодной рыбеи...
Ждите мужчин пропахших,
Всеми морями пропахших,
Наши мужчины прудут!
С мужичинами так бывает —
Вдурт пропадут.

Так вот они, грибы да избы,
И мох, и мотные кряжи.
Прабабушка, мне байку истопить бы,
Прабабушка, мне байку расскажи!

Тут солну в людские в оча
Не каждый день случается глядеть,
Тут солне роется в чащобной почве —
Точье в-точье изголодавшийся медведь,
Остреве спирта кислород сосновыи
И здореве деревенских шей,
Как вымя отелывших коровы,
Сочна земля от проливных дождей.

И ветлах, в меду сода дорога,
Как будто пасечника борода.

А у востока, Там восток полярный,
Луна нерусская. Яй как с лунки.
Люди! Вы из какой былинки?
— Мы гжатские, кармановские мы.

К. СЕРЕБРЯКОВ

«Как вам это понравится?»

Но дело, конечно, не в сюжете — он, может быть, метаморфоза. Но ежели метаморфоза, то персонажи пьесы, несенные изобретательным антрепренером на провинциальную почву, упорно сопротивлялись насилению, стремились сохранить силу духа и титаническую мощь характера (классика есть классика), то персонажи пьесы «Наши сыны» сдались при первом же атаке. Впрочем, дивитесь этому нечего. Персонажи пьесы настолько невыразительны, схематичны, что не стоило большого труда изменить их фамилии и национальную принадлежность.

Трудно предугадать сценарную судьбу пьесы. Допустим, что она проляжет больше одного сезона и ею вдурт заинтересуются другие театры. Тогда позволим себе вообразить, что Андрей Петрович в Грузии, скажем, превратится в Гурма Луарсабовича, Анна Васильевна в Азербайджане — в Фатму Мамедовну, Игорь в Литве — в Игнатаса, Борис на Украине — в Грищюка и т. п.

Исторические параллели не всегда верны. Но, говоря о пьесе, столь творчески освоеной драматургом Л. Леонидовым и переводчицей А. Овсепяном и Л. Абраамяном, скрипачом назвавшим себя авторами переделки, невольно вспоминается Фатма Мамедовна, Игорь в Литве — в Игнатаса, Борис на Украине — в Грищюка и т. п.

Хотелось бы словами Шекспира спросить Министрства культуры республики: «Как вам это понравится?»

К. СЕРЕБРЯКОВ

ХУДОЖНИК, ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ

КОГДА мысленным взором оглядываешь наше литературное хозяйство, создаваемое десятилетиями, ясно видишь, как выдто решающий этап в жизни страны, немалое количество новых и интересных писательских имен. И всякий раз художники становились как бы первооткрывателями того нового, что утверждалось победным шествием социализма.

Тихон Семумкин пришел в литературу именно в те годы, когда для всех нас по-особому животрепещущей была тема Крайнего Севера. Мы осваивали Великий Северный морской путь, мы горячо интересовались бытом зимовщиков на полярных островах, для нас — как своя личная — была дорога судьба малых народностей, выживавших из цепких пуд проклятого прошлого.

В составе знаменитой чукотской экспедиции 1924 года был паренек из села Старая Кутла, что под Пензой. Прямо с университетской скамьи молодого педагога Тихона Семумкина включил в состав экспедиции. Поездка на Крайний Север в те годы была необычно трудной, подвижнической. Ее романтика требовала и жертв, и подвига. Сотрудник экспедиции Семумкин оказался не зарядным человеком: в нем жил дух смелого землепроходца, и характер его уже выкристаллизовывался те качества, которые рожают настоящего писателя. Это и сила художественного воображения, и добрая одержимость, делающая труд писателя увлекательным, прекрасным. И берущая в плен до конца дней!

Будущее молодого педагога было решено навсегда — бесповоротно. Его первая книга «На Чукотке» вызвала широкий интерес. Известный его роман «Анитет уходит в горы» в 1949 году был отмечен Сталинской премией, переведен в разных концах мира. К книгам этим писателя вел путь, на котором было столько замечательного: годы труда учителя, краеведа, журналиста, отдавшего много сил вопросам просвещения народов Севера, организатора первой чукотской школы-интерната в заливе Лаврентия, одного из создателей письменности и первого букваря на чукотском языке.

Люди Чукотки, был дальнего края, активная заинтересованность автора в рещительной победе нового над старым — все это в «Анитете» и отчетливо и ярко. Новая книга «Приключения Айяма» и «Жизнь во льдах» не обманули ожиданий читателей, успевших полюбить свежую, колоритную прозу Тихона Семумкина. В своих «хождениях» по земле русской — на архангельском ли Крайнем Севере или на Аляске — мне не однажды доводилось встречаться с читателями Тихона Семумкина, людьми, которые с вниманием следят за творчеством автора «Анитета», сдружившись с героями его книг, нетерпеливо ждут его новой роман «Пробуждение океана», о котором сообщала наша печать. И мне особенно радостно было видеть, что читатели неизменно отмечают одну из сторон дарования писателя, так привлекающую в его книгах и меня: Семумкин отлично чувствует природу, вдохновенно ее живописует.

И вот писателю Тихону Семумкину уже шестдесят лет. Ничего не скажешь, груз этих годов тяжелей с каждым днем. Но все больше жизненного опыта, больше тонких и четких наблюдений острее перо. Новые дорожки ложатся под ноги писателю, землепроходцу. Ждут его новые встречи и новые читатели. И новые книги!

Владимир АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ЕГО ПЕРО НЕ ЗНАЕТ УСТАЛОСТИ

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ЛЕОНА КРУЧКОВСКОГО

В КРАКОВЕ спрашивают: — Вы смотрите новую пьесу Леона Кручковского «Первый день свободы»? — Я отвечаю, что смотрю. — А вы читали его «Кордиана и хама»? — Читал, — отвечал я. — Вы знаете, что он наш земляк? — Да, знаю. — А Краков нравится? — С высоты замка Вавеля этот древний город казался таким молодым и красивым, что на этот вопрос утвердительно ответить было трудно. Леона Кручковского в Кракове шестидесять лет тому назад родился известный польский писатель Леон Кручковский. Первым его литературным произведением, о котором заговорили еще в ланской Польше, был роман «Кордиана и хама», опубликованный в 1932 году. В этом историческом романе, действие которого отдалено от даты его написания на целое столетие, по существу раскрываются важнейшие аспекты крестьянского вопроса, волновавшего передовые умы Польши времен Пилсудского.

Другой исторический роман Кручковского «Павлины перья» показывает крестьянскую Польшу в канун первой мировой войны. Здесь уже крестьянская среда неоднородна, четко расслоена художником. Это уже среда, политически активизирующаяся и все более испытывающая влияние рабочего класса.

Леон Кручковский — не только выдающийся польский прозаик, но и драматург и публицист. Его антифашистская пьеса «Немцы» известна далеко за пределами Польши. Драматургическое мастерство особенно ярко проявилось в том, что портреты персонажей даны писателем психологически глубоко и весьма убедительно. Это — широко, воистину всевропейское полотно по масштабности, по охвату событий. Пьеса «Юлиус и Этель» еще более упрочила славу Кручковского, как драматурга.

В своей пьесательской и общественной деятельности Кручковский проявил себя человеком, тесно связавшим свою судьбу с народной Польшей. Пять лет, проведенных в гитлеровских концлагерях, закаляли дух писателя, глаза его стали зорче, а перо — увереннее.

Многочисленные статьи и выступления Леона Кручковского очень тепло пишут о Советском Союзе и советском народе... Помимо один из его приездов в Москву. Он вышел из вагона на Белорусском вокзале веселый, бодрый, в темно-синем берете.

— Я здесь, как и себя дома, — сказал он в ответ на вопрос, каково его самочувствие. — А дома мне всегда хорошо!

Леон Кручковский — активный член Всемирного Совета Мира. Его выступления на международных конгрессах являются собой яркий пример страстного служения делу мира, дружбы между народами.

Леон Кручковский встречает свое шестидесятилетие во всеоружии, как прозаик, драматург, публицист. Он — в боевых рядах активных литераторов Польши, и перо его не знает усталости.

Что же можно пожелать ему в день знаменательного юбилея? Мы, советские литераторы, желаем нашему другу здоровья, отличного творческого самочувствия на долгие годы и новых, все новых успехов на благо нашего брата — польского народа и его друзей.

Георгий ГУЛИА

америка 1960

В НОЯБРЕ граждане Соединенных Штатов Америки будут выбирать нового президента. Но сейчас для них важен июль, когда съезды двух главных партий — республиканской и демократической — выдвигают своих кандидатов в президенты. Демократы соберутся на свой съезд 11 июля в Лос-Анжелосе, республиканцы — 25 июля в Чикаго.

До недавнего времени единственным кандидатом у республиканцев считался вице-президент Ричард Никсон, получивший одобрение не только партийных «боссов», но и влиятельных калифорнийских и северных банкиров и промышленников. Предвыборная стратегия была задумана как операция по передаче Никсону политического наследия Эйзенхауэра. Разоблачение вероломной политики правительства Эйзенхауэра — Никсона в связи с воздушным шпионажем над Советским Союзом и срывом соевых сделок в Европе, позорный провал поездки Эйзенхауэра на Дальний Восток расстроили планы проведения безмятежной предвыборной кампании под демократическим лозунгом «Мир и процветание». В республиканской партии этим решил воспользоваться губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер, выступивший с критикой правительства.

Среди претендентов, объявивших о своем намерении добиваться выдвижения от демократической партии, остались три сенатора — Кеннеди, Джонсон и Саймингтон. Сильным «запасным» кандидатом считается Эдлай Стювенсон, который хорошо известен в стране, поскольку он дважды за последние восемь лет баллотировался на пост президента. Стювенсон завоевал себе репутацию наиболее резкого критика авантюристической внешней политики Вашингтона.

Акции Стювенсона заметно повысились, после того как он первым потребовал, чтобы демократическая партия воспользовалась скандальными провалами нынешних правителей и сделала внешнею политикой центральной проблемой избирательной кампании. Стювенсона, судя по результатам различных опросов, поддерживают широкие круги внутри партии и большое число независимых избирателей.

ТРЕСКУЧАЯ РЕКЛАМА

В предвыборную карусель трескучая реклама втягивает не только самих героев внутрипартийных и межпартийных баталий, но и их предков — далеких и близких, жен, детей, братьев, сестер и даже... домашних животных. Многие месяцы газеты и телевизионные репортеры, очеркисты, комментаторы, фотографы и кинооператоры держат под неослабным наблюдением претендентов на звание кандидата в президенты. Широкая публика уже полностью осведомлена о том, какие отметки получают дочери вице-президента Ричарда Никсона в школе, о том, что любит читать на ночь жена Джона Кеннеди, о славном прошлом г-жи Саймингтон (она пела в ночных ресторанах Нью-Йорка и «делала большие деньги» — ей платили 1500 долларов в неделю), о достоинствах г-жи Джонсон (обладая «редким чувством бизнеса», она прекрасно управляет своими радио- и телевизионными станциями в штате Техас). Знает публика и о том, что у Джонсона есть любимая собака и что зовут ее Литл Бигл Джонсон...

«Кандидаты, — уверяет вашингтонский журналист Круэнштерн, — не только не возражают против вторжения в их личную жизнь, но даже помогают в этом. Они знают, что красивая жена, очаровательные дети, веселая собака и ласковая кошка могут разогнать избирателей и дать им самим (кандидатам) политические преимущества».

Ну, а политические взгляды кандидатов, их отношение к наиболее острым проблемам международной и внутренней жизни? Этот вопрос локние политики обычно пытаются отодвинуть на задний план. На страницах американской печати все чаще появляются тревожные голоса, высказывающие беспокойство по поводу превращения национальных выборов в пустую оболочку шумухи, от которой избиратель не остается ничего, кроме головной боли и неприятного чувства обманутых надежд.

«Есть ли действительная нужда в этих пышных зрелищах, во всей этой помпе и мишуре? — спрашивает конгрессмен Джон Манеген. — Действительно ли они облегчают нам понимание основных задач, стоящих перед нашей страной?»

Театрализацию американских выборов Манеген склонен объяснить стремлением «раскачать» избирателей, предложить «апатию голосующей публики», которую горный опыт слишком часто приводил к выводу, что хрен редьки не слаще...

Значительная часть литературных и газетных поденщиков Америки мобилизована сейчас на работы по украшению предвыборной ярмарки. Книжный рынок буквально завален литературной продукцией, посвященной выборам. — политическими и художественными биографиями кандидатов, сборниками очерков, справочниками, историческими трактатами. В издательстве университета штата Луизиана вышло специальное исследование биографических книг, написанных о кандидатах в президенты за период более чем

в сто тридцать лет — с 1824 года до наших дней. Автор приходит к такому выводу: «Эти биографии нельзя считать ни порождением научной мысли, ни плодом чистого вымысла. Это то, что свивкалась с рекламой цивилизации называется «превозносившей литературой». Не так уж трудно заметить, что подобная литература создается по заказу тех, кто «двигает вперед» кандидатов и финансирует пропаганду в их пользу».

Взять, к примеру, Никсона. Десяти вышедших большими тиражами книг призваны обелить темную биографию нынешнего вице-президента. Одна из них — «Настоящий Никсон» принадлежит перу продажного Корнхитера и в такой же мере напоминает «настоящего» Никсона, как лень напоминает ночь. Даже «Нью-Йорк таймс» должна была назвать эту стряпню «портретом, написанным в ярых и приятных тонах, но лишенным серых красок и полутонов, необходимых, чтобы придать ему глубину». О другой биографии Никсона, написанной Ральфом де Толедано, та же газета отзывалась так: «Некритична до неприличия». В этих книгах американский избиратель не увидит лица хамелеона, не узнает, какими методами и чьими стараниями молодой провинциальный юрист, сын бакалейщика, добрался до второго по значимости политического поста в стране, не узнает, кто и почему хочет посадить его на президентское кресло.

КТО С КЕМ ИДЕТ В НОГУ

Никсону очень не хотелось, чтобы нынешний банкротившийся курс внешней политики Вашингтона стал ведущей темой предвыборных дискуссий. Когда Эдлай Стювенсон потребовал такой дискуссии и когда Кеннеди, а за

Ричард НИКСОН

ним и Саймингтон, приложив ух к земле и услышав ропот избирателей, присоединился к этому требованию, Никсон заявил на это Америку: «Они идут не в ногу...».

«В ноябре мы скажем, кто идет не в ногу», — ответил ему Кеннеди.

С кем же идет в ногу Ричард Никсон? Хотя на протяжении своей политической карьеры Никсон неоднократно менял окраску, — он принимался даже либералом и некоторое время состоял в демократической партии, — нынешний вице-президент в одном всегда проявлял постоянство: он никогда не изменял тем, кто его выдвигал и финансировал. Он всегда шел в ногу с калифорнийскими банкирами, возрастными и выпестованными его. Официальные биографы скрывают тот факт, что Никсон впервые попал в конгресс благодаря газетному объявлению, помещенному группой банкиров и промышленников Калифорнии, которые искали «подходящего» молодого человека «без политических связей и обязательств». Связи и обязательства они сами быстро обеспечили. Богатая питательная среда крупнейшего в стране калифорнийского «Банк оф Америка», располагающего сейчас активами в 11 с лишним миллиардов долларов, двинула политическую карьеру Никсона темпами, которых никто не сравнит разве только с ростом прибылей ведущих акционеров этого банка — авиационных и ракетных корпораций.

Попав в палату представителей, Никсон быстро становится ведущим деятелем скандальной комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Он идет в ногу со своим другом сенатором Маккарти, вместе с ним горит прогрессивные и либеральные организации, пытается надеть намордник на всех «инакомыслящих».

Приехав в Вашингтон в 1947 году, Никсон объявляет публично: «Я был избран для того, чтобы сократил руководители рабочего движения». И он шагает в ногу с теми, кто проводит через конгресс закон Тафта — Хартли и другие репрессивные антирабочие мероприятия.

В 1950 году, в разгар маккартизма, он пробирается в сенат. Вскоре выясняется, что Никсон заключил сделку с «китайскими лобби» — агентами финансовых и промышленных воротил, наживающихся в поставках «чайки» Советскому клине. Сообщают даже сумму полученной им вкляти: 25 тысяч долларов.

Но трудно остановить «маленького человека в большой спешке» (как назвал Никсона покойный сенатор Тафт), когда за его спиной находится гигантский «Банк оф Америка». В результате сложной закулисной операции Никсона решают «спарить» на выборах с генералом Эйзенхауэром. Так он становится вице-президентом, правой рукой слабого, безвольного, больного и недееспособного президента.

ПРЕТЕНДЕНТЫ И. ЛАПИЦКИЙ

На совести Никсона немало политических преступлений. Как свидетельствует в своих мемуарах Иден, вице-президент США выступил в тесном союзе с адмиралом Радфордом и государственным секретарем Даллесом, стремясь, по словам Черчилля, ввести в заблуждение конгресс и добиться одобрения тайной военной операции в Индо-Китае, которая могла бы «поставить мир на грань большой войны».

За время пребывания Никсона на высоком государственном посту не было империалистической авантюры, которую бы он не поддерживал руками, ногами и глоткой. Последний тому пример — история с самолетом «У-2».

«МОЛОКО И ЯБЛОЧНЫЙ ПИРОГ»

В небольшом городке Фарго, в Северной Дакоте, недавно можно было прочитать такое объявление: «Проведите вечер с Рокфеллером». Бесплатно раздадут местное молоко и нью-йоркский яблочный пирог». Любители того

Нельсон РОКФЕЛЛЕР

и другого, конечно, нашлись. Какой американец не любит яблочный пирог с молоком, да еще бесплатно?

Выступая на выпускном вечере в колледже Северной Дакоты, Рокфеллер взял «отеческий тон», говорил о своих детях, невзвесах, вьнуках. Одна из невзесток — он не преминул это подчеркнуть — родилась на острове у берегов Норвегии. «Другая», — сообщил он своим слушателям, — тоже скандинавка. Она поставила нам самых красивых вьнуков — голубоглазых блондинчиков, чудеснейших ребят».

В районе, где живет много американцев скандинавского происхождения, где любого встречного зовут Олсон, Петерсон или Иенсен, такой разговор заводился с целью «уловления душ» избирателей.

Рокфеллеру очень хочется стать президентом если не в нынешнем, то в 1964 году. Путь миллиардера пока преграждают его конкуренты — морганы, дюпоны и другие некоронавные короли Америки.

Новая ситуация, создавшаяся после срыва совещания в верхах, дала Рокфеллеру возможность заявить: «Стране нужны новые люди, новые идеи».

Однако сам Нельсон Рокфеллер — оживо не новый человек в политике. Он занимал крупные государственные посты как в правительстве демократов, так и у республиканцев. Идеи его также не отличаются новизной. В недавнем вышедшем к выборам новой биографии Н. Рокфеллера ему ставится в заслугу активное участие в разработке на протяжении многих лет важных принципов американской внешней политики. Автор выделяет три главных момента. Н. Рокфеллер, по его словам, играл решающую роль в определении: а) политики США в отношении Латинской Америки; б) юридических и политических основ НАТО; в) программы «четвертого пункта Трумэна», ставшей важнейшим орудием американской неоконформаторской политики.

Странники выдвижения Рокфеллера пытаются представить его как «надпартийную» фигуру. Некоторые деятели республиканской партии, которых приводит в дрожь мысль о возможности избрания авантюриста Никсона, готовы голосовать за Рокфеллера, как за «меньшее зло». Так поступил бывший специальный помощник президента по вопросам разоружения Стассен, высказавшийся в пользу Н. Рокфеллера.

«МОЛОДОЙ МИЛЛИОНЕР, КОТОРЫЙ ВСЕМ ВСЕ ОБЕЩАЕТ»

Самый молодой претендент на пост президента — 43-летний сенатор Джон Кеннеди. Улыбався и обаявая безупречные белые зубы, высокий, широколицый, с большой копной черных волос, Кеннеди чаще других кандидатов мелькает на экранах телевизоров, на страницах газет и журналов. Более

Джон КЕННЕДИ

двух лет велел он кампанию, чтобы стать кандидатом, а затем и президентом. Такое занятие требует больших денег. Кеннеди-младшего это не смущает. Отец, Джозеф Кеннеди, выделил ему первый миллион долларов еще до совершеннолетия сына. Кеннеди-старший — богатый человек. Разнообразными коммерческими операциями и спекуляциями он сколотил себе состояние в 250 миллионов долларов. На этом гранитном фундаменте Джозеф Кеннеди развернул активную политическую деятельность в демократической партии, главным образом по линии финансирования ее избирательных кампа-

ний. За это он был вознагражден рядом правительственных постов. Будучи послом в Англии, Джозеф Кеннеди сопротивлялся вступлению США в войну против гитлеровской Германии. По этой и другим причинам он рассорился с президентом Ф. Д. Рузвельтом, стал его ярым противником и ушел с государственной службы.

Джону Кеннеди семья с детства предзнаначала политическую карьеру. Он окончил Гарвардский университет, работал некоторое время у отца в Лондоне, затем в херстовской печати.

В захватывающих дух повествованиях предвыборной рекламы описывает сейчас, как темной ночью у Соломоновых островов японский эсминец потопил торпедный катер лейтенанта Кеннеди, спасшегося вплаве вместе со своим экипажем...

В конгрессе его впервые избрали в 1946 году. Шесть лет спустя Кеннеди бросил вызов Генри Кэботу Лоджу, нынешнему постоянному представителю США в ООН, и занял его место в сенате. Помимо выявившейся уже тогда непопулярности Лоджа, здесь сыграла немалую роль поддержка со стороны местных партийных «боссов» и печати. Кеннеди-старший не екнулся. Так, например, стало известно, что вскоре после выборов 1952 года владелец бостонской газеты «Пост» Фокс получил от него заем в полмиллиона долларов.

На прошлых выборах, в 1956 году, Кеннеди «чуть было» не стал кандидатом в президенты. Сейчас ему хочется, чтобы дело обошлось без «чуть». Он извездил все штаты, произнес сотни речей. До последнего времени Кеннеди избегал острых «спорных» проблем и заработал репутацию «молодого миллионера, который всем все обещает». Нашумевшая история с американским воздушным шпионажем и последовавшие за ней провалы американской дипломатии заставили и его выступить с резкой критикой «методов» американской внешней политики. Кеннеди значительно увеличил свою популярность победами на первичных выборах. Часть бывших сторонников Хэмфри переключилась в лагерь Кеннеди. Его поддерживают лидеры некоторых крупных профсоюзов и определенные круги интеллигенции. Создана даже организация под названием «Яйцеголовые за Кеннеди».

Но против Кеннеди — его откровенная молодость и принадлежность к католической церкви. Его соперники утверждают, что он слишком неопытен, чтобы противостоять иностранным государственным деятелям.

«НЕФТЕГАЗОВЫЙ» КАНДИДАТ

Как только стали поступать сведения о повышении энциды Кеннеди, его конкуренты в демократической партии развевали движение под лозунгом

Линдон ДЖОНСОН

«Остановите Кеннеди!». Одним из первых ринулся в бой сенатор Линдон Джонсон. Джонсон — большая сила в демократической партии и в конгрессе. В сенате он занимает ключевую пост лидера большинства и оказывает большое влияние на законодательство. За его спиной — нефтяные тузы Техаса.

«МЫ РАЗЛИЧНЫ, НО СОЛИДАРНЫ»

В РИМЕ закончил свою работу второй конгресс Европейского сообщества писателей, созданного в 1958 году в Неаполе по инициативе итальянского Национального писательского объединения. После двух лет подготовительной работы собравшиеся в Риме литераторы 23 стран Европы утвердили устав этой новой международной организации, избрали ее руководителей. Президентом сообщества стал известный итальянский писатель Джованни Ваттиса Анджолетти — генеральный секретарь Национального синдиката. Вице-президентами избраны французский романист Андре Шамсон и украинский поэт Микола Важан. Создан также руководящий Совет сообщества, в котором каждая из стран представлена одним писателем. От литераторов Советского Союза в руководящий Совет избран поэт Алексей Сурков. Конгресс счел желательным включение в состав руководящего Совета представителей четырех стран Европы, до сих пор не принимавших участия в деятельности сообщества: Германской Демократической Республики, Народной Республики Албания, Португалии, Турции.

Если говорить об атмосфере, которая царяла на конгрессе, то прежде всего следует отметить единодушие, с которым его участники одобрили некоторые важнейшие положения устава — новой международной организации. Во второй статье утвержденного устава, например, сказано: «Сообщество имеет целью способствовать вне идеологических и политических различий действительному сотрудничеству европейских писателей по всем вопросам профессионального, морального и практического характера. Члены сообщества обязуются пробуждать и укреплять дух мира и сотрудничества между народами».

В своем докладе итальянский писатель Анджолетти говорил о том, что писатели Европы должны своим пером и всей своей деятельностью помогать развитию духа мирного сосуществования народов. «Нель-

но пробиться к президентскому креслу не так-то легко, даже при такой поддержке. Приходится считаться с противодействующими силами — конкурирующими монополиями, не говоря уже об общественности. Последний же не нравится, когда от предлагаемого ей кандидата слишком разит нефтью».

Джонсону, свидетельствует журнал «Нью Рипаблик», «конечно, известно, что политическая история Америки не знает пока случая, когда кандидатом на самый высокий пост выдвинули бы деятеля, столь беззастенчиво преданного интересам одной отрасли промышленности... — нефтегазовой».

Но нефтяные магнаты Техаса заставляют Джонсона спрятать свою гордость и снова идти на риск быть отвергнутым съездом демократов, как это уже случилось с ним в 1956 году...

ЛУЧШИЙ ДРУГ ТРУМЭНА

Каждая уважающая себя монополия хочет иметь своего кандидата. Не составляет исключения и военно-ракетная корпорация «Дженерал Дайнамикс», выступившая на предвыборную арену с кандидатом сенатора Саймингтона. В правительстве Трумэна Саймингтон занимал пост министра авиации. Со-

Стюарт САЙМИНГТОН

Рисунок Н. Лисогорова

вместными усилиями они обеспечивали небережливый поток заказов фабрикантам оружия.

У Трумэна и Саймингтона много общего. И не только то, что оба они из штата Миссури, где Саймингтон возглавлял компанию «Эмерсон электрик», наживавшуюся на военных поставках. Обоим роднит ненависть к идее мирного сосуществования.

Сейчас Трумэн и К° двигают Саймингтона в президенты. Характерная деталь: Лэнфир, безвестный в прошлом редактор провинциальной газеты в Айдахо, которого Саймингтон вытеснил в свое время в Вашингтон и сделал своим помощником, впоследствии стал вице-президентом «Дженерал Дайнамикс». Лэнфир покинул этот пост, чтобы целиком посвятить себя выдвижению Саймингтона кандидатом в президенты и обеспечению ежегодного повышения военного бюджета на четыре миллиарда долларов. То и другое тесно связано между собой: Саймингтон афиширует свое стремление резко повысить военные ассигнования.

Таковы главные действующие лица, поднимающиеся на предвыборной арене. Не следует забывать, что борьба происходит не только (а может быть, даже и не столько) на поверхности. Закулисные маневры и сделки нередко порождали и так называемых «темных лошадей».

Американский избиратель серьезно встревожен. Его волнуют многие острые проблемы внешней и внутренней политики. Ему осточертели опасные авантюры правительства Эйзенхауэра — Никсона. Он ищет людей со свежими идеями, дальновидных, трезвомыслящих государственных деятелей, способных вывести страну из тупика, в который ее завела односторонняя политика. Такие настроения рядовых американцев предвещают активную избирательную кампанию. В этих условиях претендентам никак не избежать обсуждения коренных политических проблем.

ДЕВУШКА И ВЕЛИЧИЕ

Как мы уже писали в нашей газете (см. номер от 9 июня) в Алжире 17 июня должен был состояться инсценированный судебный процесс над алжирской патриотической организацией Фронт освобождения. Судебные заседания не состоялись, так как представители власти не были готовы к этому процессу. Вопрос на рассмотрение назначенной французским правительством комиссии по охране свобод 16 июня, накануне суда, в защиту Дjamиллы в имени «Экспресс» выступила молодая французская писательница Франсуаза Саган. Ниже мы печатаем ее выступление.

Понимая безграничный казалося мне равнодушие, с которым у нас относятся к ряду проблем, и в особенности мое собственное равнодушие. Я не подозревала, что есть предел тому безразличию, не подозревала, что простое изложение фактов может вывить меня из этого удобного состояния покоя, которое дается ощущением безопасности и по существу является весьма сомнительным. Я не подозревала, что могут посмотреть без оценки испуга и невероятной усталости на очередную — тысячную — петицию, которую предлагается подписать. Но вот ко мне пришли и рассказали, подкрепив рассказ вескими доказательствами, историю Дjamиллы Бушаи. История эта настолько переносима, что мы не можем допустить, чтобы она окончилась 17 июня в Алжире смертным приговором двадцатидвухлетней девушки. Той, что недавно была двадцатидвухлетней девушкой.

10 февраля Дjamilla Бушаи была арестована солдатами внутренней безопасности в одном из предместий Алжира. Заключение ее в тюрьму на легальном основании последовало 15 марта. Между этими двумя датами прошло более месяца. Более месяца, проведенного в «распределительном центре» Эль Бьар, через который прошли в свое время Аллег и Морис Оздан.

Дjamиллу пытали, сажали на бутылку, как на кол, и после этого она «призналась», что подложила бомбу в одно из алжирских кафе (впрочем, бомба эта была совершенно недействительной). За это Дjamиллу и будут судить. К несчастью, находясь в состоянии аффекта, вызванного изощренными пытками электрическим током и особыми «ваннами», Дjamilla «призналась» и в десятке других террористических покушений. Надо отметить, что в Эль Бьаре Дjamилле оказали и моральную «поддержку», устроив ей — обаяющей историей и окровавленной — очную ставку с семидесятилетним отцом, находившимся в таком же состоянии. Имеются свидетели всех этих происшествий, свидетели, которые явятся на суд по делу о незаконном аресте и допросе под пытками Дjamиллы Бушаи; дело это возбуждено в ее защитником. Имеется также ее характеристиками нашу эпоху? Он ответил: «Время лишь не доходит. Отец Дjamиллы прокричал капитанские, который топтал девушку ногами: «Де Голль запретил пытки», но солдаты ответили: «Де Голль это не касается». Вот спасибо-то! Хотя не пытаются во имя его!

Тем, кому дорого наше величие, остается в утешение мост в Танкавилле». Это гордость Нормандии, в края сочных трав, богатой провинции нашей нежной Франции, где я живу. Но этого все-таки недостаточно. И если мы не можем требовать ответов, то имеем право задавать вопросы. В 1944 году Андре Мальро сказал: «Как бы вы окarakterизовали нашу эпоху?» Он ответил: «Время лишь не доходит. Отец Дjamиллы прокричал капитанские, который топтал девушку ногами: «Де Голль запретил пытки», но солдаты ответили: «Де Голль это не касается». Вот спасибо-то! Хотя не пытаются во имя его!

Тем, кому дорого наше величие, остается в утешение мост в Танкавилле». Это гордость Нормандии, в края сочных трав, богатой провинции нашей нежной Франции, где я живу. Но этого все-таки недостаточно. И если мы не можем требовать ответов, то имеем право задавать вопросы. В 1944 году Андре Мальро сказал: «Как бы вы окarakterизовали нашу эпоху?» Он ответил: «Время лишь не доходит. Отец Дjamиллы прокричал капитанские, который топтал девушку ногами: «Де Голль запретил пытки», но солдаты ответили: «Де Голль это не касается». Вот спасибо-то! Хотя не пытаются во имя его!

Тем, кому дорого наше величие, остается в утешение мост в Танкавилле». Это гордость Нормандии, в края сочных трав, богатой провинции нашей нежной Франции, где я живу. Но этого все-таки недостаточно. И если мы не можем требовать ответов, то имеем право задавать вопросы. В 1944 году Андре Мальро сказал: «Как бы вы окarakterизовали нашу эпоху?» Он ответил: «Время лишь не доходит. Отец Дjamиллы прокричал капитанские, который топтал девушку ногами: «Де Голль запретил пытки», но солдаты ответили: «Де Голль это не касается». Вот спасибо-то! Хотя не пытаются во имя его!

Тем, кому дорого наше величие, остается в утешение мост в Танкавилле». Это гордость Нормандии, в края сочных трав, богатой провинции нашей нежной Франции, где я живу. Но этого все-таки недостаточно. И если мы не можем требовать ответов, то имеем право задавать вопросы. В 1944 году Андре Мальро сказал: «Как бы вы окarakterизовали нашу эпоху?» Он ответил: «Время лишь не доходит. Отец Дjamиллы прокричал капитанские, который топтал девушку ногами: «Де Голль запретил пытки», но солдаты ответили: «Де Голль это не касается». Вот спасибо-то! Хотя не пытаются во имя его!

подвергли Дjamиллу. Есть одна лишь опасность, что они придут слишком поздно. Применение сложной изощренной юриспруденции может привести к тому, что Дjamilla будет казнена за свои показания, которые несомненно будут признаны недействительными через три месяца, ибо они были вырваны под пытками.

Вот и вся история. Я в нее верю. Вопреки всем моим усилкам, я была вынуждена в нее поверить. Я говорю об этом, ибо мне стыдно. И я не в состоянии понять, как это умный человек, которому дорого национальное величие, человек, обличивший власть, до сих пор ничего не сделал.

Пусть только мне не говорят «ура не доходит». Отец Дjamиллы прокричал капитанские, который топтал девушку ногами: «Де Голль запретил пытки», но солдаты ответили: «Де Голль это не касается». Вот спасибо-то! Хотя не пытаются во имя его!

Тем, кому дорого наше величие, остается в утешение мост в Танкавилле». Это гордость Нормандии, в края сочных трав, богатой провинции нашей нежной Франции, где я живу. Но этого все-таки недостаточно. И если мы не можем требовать ответов, то имеем право задавать вопросы. В 1944 году Андре Мальро сказал: «Как бы вы окarakterизовали нашу эпоху?» Он ответил: «Время лишь не доходит. Отец Дjamиллы прокричал капитанские, который топтал девушку ногами: «Де Голль запретил пытки», но солдаты ответили: «Де Голль это не касается». Вот спасибо-то! Хотя не пытаются во имя его!

Тем, кому дорого наше величие, остается в утешение мост в Танкавилле». Это гордость Нормандии, в края сочных трав, богатой провинции нашей нежной Франции, где я живу. Но этого все-таки недостаточно. И если мы не можем требовать ответов, то имеем право задавать вопросы. В 1944 году Андре Мальро сказал: «Как бы вы окarakterизовали нашу эпоху?» Он ответил: «Время лишь не доходит. Отец Дjamиллы прокричал капитанские, который топтал девушку ногами: «Де Голль запретил пытки», но солдаты ответили: «Де Голль это не касается». Вот спасибо-то! Хотя не пытаются во имя его!

Тем, кому дорого наше величие, остается в утешение мост в Танкавилле». Это гордость Нормандии, в края сочных трав, богатой провинции нашей нежной Франции, где я живу. Но этого все-таки недостаточно. И если мы не можем требовать ответов, то имеем право задавать вопросы. В 1944 году Андре Мальро сказал: «Как бы вы окarakterизовали нашу эпоху?» Он ответил: «Время лишь не доходит. Отец Дjamиллы прокричал капитанские, который топтал девушку ногами: «Де Голль запретил пытки», но солдаты ответили: «Де Голль это не касается». Вот спасибо-то! Хотя не пытаются во имя его!

Тем, кому дорого наше величие, остается в утешение мост в Танкавилле». Это гордость Нормандии, в края сочных трав, богатой провинции нашей нежной Франции, где я живу. Но этого все-таки недостаточно. И если мы не можем требовать ответов, то имеем право задавать вопросы. В 1944 году Андре Мальро сказал: «Как бы вы окarakterизовали нашу эпоху?» Он ответил: «Время лишь не доходит. Отец Дjamиллы прокричал капитанские, который топтал девушку ногами: «Де Голль запретил пытки», но солдаты ответили: «Де Голль это не касается». Вот спасибо-то! Хотя не пытаются во имя его!